

КАЛЬВ, ОКРУГ КАРЛСРУЭ. ЗЕМЛЯ БАДЕН ВЮРТЕМБЕРГ. ЮГО-ЗАПАД ФРГ, НАЧАЛО АВГУСТА 2009 ГОДА

Замок графа Цеппелин. Центр сил специальных операций «KSK» Kommando Spezialkräfte, Бундесвер. Комната в бункере — её стены окрашены в ахроматический цвет, тускло светят круглые плафоны, в одну из стен вмонтировано стекло-шпион «гезелла». В центре пустой комнаты сидит обессиленный молодой мужчина с десятидневной щетиной. Его руки прикованы наручниками к сидущке стула. Он не спал ночь. Накануне совершил недельный 160-ти километровый марш-бросок по болотистой местности, а затем многие часы подвергался поочерёднему воздействию внешних раздражителей — ослеплению светом мощного прожектора, охлаждению напором ледяной воды и оглушению рок-н-рольным звуком. Из смотровой комнаты за испытанием следила комиссия руководителей, направлений KSK.

Внезапно в смотровую вошёл бригадный генерал Маркус Нойманн. Увидев начальника, офицеры встали. Он приветственно кивнул и, махнув рукой, предложил сесть.

— Ну как он?! — спросил Нойманн, у кадровика Курта Воллмера, не отводя взгляда от происходившего за стеклом.

— Держится неплохо, господин бригадный генерал, — ответил полковник.

— Зачитайте мне его личное дело, Воллмер, — приказал Нойманн.

— Слушаюсь, господин бригадный генерал, — ответил Воллмер:

— Бруно Тевс, 1985 года рождения. В ФРГ прибыл в 1989 году из Казахстана (СССР), город Джамбул, в возрасте 4-х лет вместе с матерью и многочисленными родственниками по федеральному закону о делах переселённых лиц. Семья поселилась во Фрайбурге. С отличием окончил среднюю школу, целенаправленно готовился к службе в армии. В совершенстве владеет русским языком и английским. Отец — Константин Тевс, 1966-го года рождения, поволжский немец, погиб

---

1 Цугцванг — шахматный термин, означающий принуждение к губительному ходу.

в Афганистане 17 июня 1986-го года в районе Хост-Ва-Ференг провинции Баглан. Мать, также поволжская немка, Роза Тевс, вдова. Живёт во Фрайбурге, искусствовед. По окончании школы проходил срочную службу в десантном батальоне в городе Цвайбрюккен, земля Рейнланд-Пфальц. Оттуда обер-штабс-ефрейтор Тевс поступил в высшую офицерскую школу. В 2008-м году получил военную специальность армейского разведчика и звание лейтенанта. В том же году был отобран в состав KSK, проходил службу в должности командира группы в дивизии сил быстрого реагирования в Штадталлендорфе. Звание обер-лейтенанта присвоено досрочно. Спортсмен, победитель Бундесвера по боксу. В начале января 2009-го года обратился к командованию KSK с просьбой направить для дальнейшего прохождения службы в оперативную группу «Task Force-47» в составе объединённых сил западной коалиции ISAF в Афганистане.

— Какие будут мнения? — спросил Нойманн.

— По всем дисциплинам и этапам пройденных испытаний обер-лейтенант Бруно Тевс аттестован наивысшими баллами, господин бригадный генерал, — довёл Воллмер, — уровень профессиональной подготовки даёт основания считать его одним из лучших начинающих армейских разведчиков Бундесвер и рекомендовать к ротации в Афганистан.

— Соглашусь с вами, Курт! — резюмировал Нойманн и подписал документ о рокировке.

* * *

Место постоянной дислокации секретного разведывательного антитеррористического подразделения Бундесвера, куда прибыл для прохождения дальнейшей службы обер-лейтенант Бруно Тевс, находилось на северо-западной окраине города Кундуз. На участке более двух гектаров, огороженном двухметровым забором с колючей проволокой, был разбит штаб командования, автономная вертолётная площадка, парк техники, стрельбище, спортивный городок, корпуса с кубриками для офицеров, общей комнатой отдыха, фитнес-залом и сауной. Службу в TF-47 несли офицеры из подразделений сил специальных операций, быстрого реагирования и армейской разведки свыше 200 человек. Командиром подразделения был оберст Георг Юнг — невысокого роста, сухощавый, немногословный, офицер-разведчик в третьем поколении, глубоко знающий своё дело. Он и вышел встречать, едва бронетранспортёр с Бруно Тевсом въехал на территорию. Выпорхнув из брони, Бруно надлежаче подошёл и доложил о прибытии. Юнг принял доклад и, улыбнувшись, поприветствовал:

— Добро пожаловать в Афганистан! Читал ваше личное дело обер-лейтенант! Впечатляющее начало службы. Только ответьте откровенно, ваше стремление оказаться здесь как-то связано с гибелью вашего отца? Хочется всё же верить, что печальное событие многолетней давности не повредит карьере молодого перспективного обер-лейтенанта. Кстати, где это произошло?

— В провинции Баглан, господин оберст, — ответил Бруно.

— Понятно, — отметил Юнг, — Баглан, к вашему сведению, здесь неподалёку — соседняя провинция, южнее. Она, как и Кундуз, Тахар и Бадахшан входит в область Катаган. Всё это наша зона ответственности «Север». А что вы сейчас читаете? — полюбопытствовал оберст, увидев в руках Бруно толстую книжку на русском языке.

— «Большая игра в Афганистан» Ильяса Дауди, — ответил Бруно.

— Ясно, — произнёс Юнг, продолжил расспрос: — Скажите, обер-лейтенант, когда и из какой части Германии ваши предки перебрались в Россию? Вам об этом известно?

— Так точно! — доложил Бруно. — В период правления прусского короля Фридриха II по Манифестам российской императрицы Екатерины II — княгини Софии Августы Фредерики Ангольт-Цербстской от 1762 и 1763 годов. В числе первых немецких семей они поселились в Саратовской губернии. А выехали в Россию с юго-запада Германии, города Фрайбурга, куда спустя столетия, в 1989 году и вернулись.

— Да! 227 лет — срок не малый! — задумчиво произнёс оберст Юнг. — Историю семьи и народа надо знать! О'кей, сначала решите все формальности в штабе, а затем я представлю вас группе. Завтра в 9.00 совещание командиров групп в Центре боевого управления. Да, и ещё — выберите себе позывной и вымышленное имя, здесь так принято, — с этими словами и разошлись.

Утром в помещении с большим количеством телефонов и военных карт, на которых были очерчены границы провинций и уездов, отмечены названия населённых пунктов, собрался командный состав во главе с оберстом Георгом Юнгом. Обсуждались, вскрытые агентурой планы лидеров движения талибан моулави Шамсутдина и муллы Абдул Рахмана, связанные с сериями нападений на колонны германской автогрузовой и бронированной техники, а также с террористической атакой на гарнизон Бундесвера в Кундузе. По итогам совещания подразделение TF-47 приступило к разработке плана операции с кодовым названием «Джокер».

ОПЕРАЦИЯ «ДЖОКЕР»

Оперативный сбор агентурных и разведывательных данных указывал на места постоянного пребывания и явок лидеров талибан Шамсутдина и Абдул Рахмана. За объектами установили круглосуточное наблюдение. Невзирая на отсутствие у оберлейтенанта Бруно Тевса практического опыта в планировании и участии в реальных спецоперациях, с целью скорейшего погружения в боевую среду, оберст Юнг включил его в круг разработчиков плана операции. На этапе реализации это себя оправдало.

Между тем в полученном TF-47 свежем агентурном донесении сообщалось: «Шамсутдин, получивший накануне духовный сан моулави и статус лидера талибан провинции Кундуз, отдал приказ подконтрольным отрядам атаковать колонны германской автогрузовой техники и захватывать крупнотоннажные грузовики. Талибы рассчитывали начать их крупной взрывчаткой и посредством водителя-смертника, прорвавшего кордон безопасности, направить вовнутрь гарнизона Бундесвер к местам скопления военнослужащих и жилым строениям и там взорвать. Атаку планировалось продолжить стрелковым и гранатомётным огнём вторгшихся следом мобильных групп талибов».

На следующий день в штабе TF-47 получили сигнал: совершено вооружённое нападение на колонну Бундесвера в районе Алиабада на трассе Кундуз-Баглан. Тело водителя крупнотоннажного грузовика талибы бросили в кювет, а сам транспорт угнали в неизвестном направлении. Атака подтвердила достоверность сведений агентуры. По горячим следам был задержан рядовой талиб, принимавший участие в нападении на колонну. Данные им показания выявили лидеров отрядов талибов среднего и нижнего звена, и TF-47 взял их в оперативную разработку. В прошествии нескольких дней, в начале сентября была вновь атакована колонна Бундесвера, угнаны два 50-ти тонных автоналивника, до отказа наполненные дизельным топливом. В стремлении поскорее покинуть место нападения на оживлённой автотрассе, талибы стали перегонять наливники по просёлочной дороге на северо-запад в направлении к Чахар-даре.

При переправе через бурно текущую речку Кундуз наливники застряли в гравийно-песочном грунте. Чтобы вытащить технику, из находившегося поблизости кишлака

Умар-хейль талибы пригнали переданные в 1980-е годы правительством СССР на руду ДРА два трактора «Беларусь» с тросами, а заодно и бросили клещ местным жителям пополнить личные запасы соляры. Таким способом талибы решили избавиться брутто от нетто и выгнать застрявшие наливники. Спустя полчаса, у цистерн скопилось длинная очередь из местных дехкан с канистрами и другими ёмкостями. Командовавший операцией «Джокер» оберст Георг Юнг направил запрос в региональный штаб зоны «Север» в Мазари-Шариф на проведение аэрофотосъёмки местности беспилотными летательными аппаратами и установление точного месторасположения угнанной техники. В скором времени были получены фотоснимки с месторасположения застрявших наливников, окружённых толпой гражданского населения.

КОРРЕСПОНДЕНТ «DER SPIEGEL» ОТТО ГРИНБЕРГ

За три недели до этих событий в город Кундуз прибыл собственный корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг. Это был интеллигентный, хорошо образованный журналист со стажем. Он был среднего роста со светложким лицом и чёрными волнистыми волосами. Его высокий лоб, с горбинкой нос и большие чёрные глаза явствовали о греческих или еврейских корнях. Несмотря на сорокалетний возраст Отто был холост. При этом следил за собой, был подтянут, гладко побрит и со вкусом одет. В его обязанности входили подготовка и отправка в Гамбург материалов о событиях, происходивших на северо-востоке Афганистана. Наряду с этой задачей ему было поручено собрать материалы о предстоявшей 20-тилетней годовщине вывода советских войск из Афганистана.

В поисках материалов Отто объезжал десятки населённых пунктов северо-восточной части страны, находившихся в зоне боевых действий советского контингента на удалении свыше ста километров от Кундуза — в уездах провинций Балх, Саманган, Сари-пуль, Тахар, Кундуз, Баглан, Бадахшан, встречаясь с участниками тех давних драматических событий — полевыми командирами и рядовыми моджахедами, уже ушедшими на покой или продолжавшими воевать против ISAF. 2 сентября 2009 года, например, в одной из командировок в уезд Хост-Ва-Ференг в горах на северо-востоке провинции Баглан, Отто познакомился с бывшим моджахедом по имени Исмадулла, воевавшим в отряде полевого командира Мохаммада Марзбона, больше известного по прозвищу Кази Кабир — сподвижника Ахмад Шаха Масуда по партии «Исламское общество Афганистана» в провинции Тахар. Исмадулла поведал Отто историю одного драматического боя в июне 1986-го года с советскими десантными группами, понёсшими существенные потери в горном массиве Мугулан, Чольбахир и Тали Гобанг. В завершении своего повествования, Исмадулла передал Отто записную книжку и две находившиеся в ней фотографии, принадлежавшие советскому солдату, найденные им под валунами — на месте, где шурави складывали своих убитых и раненных.

ОБЕД В ЧАЙХАНЕ ЯКУБ-ХАНА

4 сентября Отто вернулся из поездки в Хост-Ва-Ференг сильно проголодавшимся и решил пойти пообедать в чайхану на знаменитом Кундузском кругу — центральной площади города с множеством лавок и закусовых. Чайхана, где он снимал номер, находилась в двух шагах от гостиницы «Спинзар», принадлежавшей одноимённой

текстильной компании, основанной в Кундузе в середине 1920-х годов Шер-ханом Наширом. За две недели пребывания в Кундузе, он уже успел стать её постоянным гостем. Хозяином заведение был Якуб-хан — бывший моджахед сорока пяти годов, в чёрной чалме и с чёрным кожаным овалом на правом глазу, которого лишился в ходе боёв за Кундуз в августе 1988-го года. В годы афганской войны 1979—1989 Якуб-хан командовал небольшим отрядом в группировке Шамсутдина из исламской партии Афганистана, больше известным по прозвищу доктор Шамс. Чайхану Якуб-хан получил в дар от Шамса за преданность и храбрость.

Несмотря на многие годы участия в боях, Якуб-хан был доброхотом и радушно привечал Отто на входе в чайхану, снискав ответное расположение немца. Вот и на сей раз, увидев Отто, Якуб-хан расплылся в улыбке и приложил ладонь к сердцу. Отто, громко поздоровался с ним и сидевшими у входа посетителями традиционным «Ас-Саламу Алейкум» и проследовал вглубь зала. Его излюбленным местом был угловой топчан, расположенный под кондиционером. Он разулся и, забравшись на застелённую кошмой тахту, вытянул ноги. В тот день Отто здорово устал. Он огляделся в тесном продолговатом пространстве зала и увидел, как с потолка, медленно вращая лопастями, гнали потоки воздуха три вентилятора. На топчанах, мирно беседуя, кушали и пили чай люди в афганских национальных одеждах. За всей этой мирской суетой с большого портрета на стене взирал улыбавшийся Ахмад Шах Масуд. Гостей обслуживал сын Якуб-хана — Залмай. Это был смуглый юноша лет тринадцати, с расшитой пуштунской тубетейкой на чёрных волнистых волосах, одетый в узорчатый жилет поверх традиционной афганской рубахи перухан. Он не заставил Отто долго ждать и сразу принёс весь заказ: снятый с мангала шашлык из бараньих рёбрышек с прослойками курдючного сала с лёгким запахом дымка, горячую тандырную лепёшку и чайник зелёного чая. «Да, — думал Отто, отдыхая от уличного гвалта, от сутолоки базарного торга, ишачьего и конного извоза, бричек, повозок и прибывшего издалека каравана двугорбых верблюдов, навьюченных огромными тюками товара, — время здесь остановило свой ход, ещё со времён владычества Мохаммада Мурад-бека правителя Кундузского ханства в начале восемнадцатого века». Отто завершил трапезу и, прислонив затылок к стене, закрыл от усталости глаза. Сквозь дрему, он слышал мерный шум вентиляторов, звон посуды, стук костей и шарканье шашек «шеш-беш», разноязычный гомон собеседников и душевную песню «Khuda Bowad Yarat» культового афганского певца Ахмада Захира, доносившуюся из аудиоколонки.

ТЕМ САМЫМ ВРЕМЕНЕМ.

КУНДУЗ ЦБУ TF-47 — 5 СЕНТЯБРЯ 2009 ГОДА

После обнаружения угнанных германских наливников и получения аэрофото-снимков с места их расположения, оберст Георг Юнг принял решение нанести по ним удар авиацией ISAF. В результате налёта истребителей-бомбардировщиков F-15ES, по разным оценкам, погибло от ста до ста шестидесяти скопившихся у техники гражданских лиц, в числе которых были женщины и дети.

АВИАУДАР ISAF В УМАР-ХЕЙЛЕ

Дрему Отто прервал громкий шум низко пролетевших реактивных самолётов и упавших неподалёку тяжёлых бомб, сотрясших землю. Через пять минут

послышался вой сирен десятка карет «Скорой помощи», мчавшихся по центральной улице мимо чайханы на высокой скорости. Вспокоенный Якуб-хан вышел на улицу, проводил их взглядом и, зайдя обратно в чайхану, настроил радиоприёмник на новостную волну. Он прибавил звук и вслушался в текст экстренного выпуска. В течение нескольких секунд он заметно побледнел.

Отто почувствовал это и спросил:

- Что произошло?!
- Сообщили, что самолёты ISAF нанесли авиаудар в окрестностях кишлака Умар-хейль. Это привело к большому числу жертв мирного населения.
- Где расположен Умар-хейль?!
- Это рядом! — ответил Якуб-хан. — Кишлак Умар-хейль находится в уезде Чахар-дара. От Кундуза нужно ехать два километра на юг, затем повернуть на запад и проехать приблизительно столько же.

Отто оставил деньги за еду и спешно покинул заведение. Он взял на кундузском кругу такси и вскорости прибыл на место авиаудара. К тому времени территория была уже оцеплена полицейскими и служащими афганских сил содействия ISAF. Взору предстали перевернутые сгоревшие грузовики с цистернами и разбросанные на сотни метров фрагменты человеческих тел. Отто сделал несколько снимков, но поговорить с кем-либо из очевидцев не сумел. Он решил приехать на место на следующий день, чтобы проникнуть в глубь кишлака Умар-хейль и расспросить о происшествии местное население.

Отто вернулся в гостиницу и узнал из новостных программ телевидения ФРГ, что в результате ударов натовской авиации в уезде Чахар-дара провинции Кундуз погибло более ста мирных афганцев. В ISAF же заявили, что семьдесят из них были талибы и всего лишь тридцать гражданское население — женщины и дети. Это количество существенно расходилось с данными афганских и международных правозащитных организаций.

ПОХИЩЕНИЕ ОТТО ГРИНБЕРГА И СУЛТАНА МУХАДИ

Рано утром Отто вызвал в гостиницу Султана Мухади, переводчика, сопровождавшего его во всех поездках по провинциям, и, сев с ним в такси, направился к месту вчерашней трагедии. Добравшись до места, перед тем, как выйти из автомобиля, Отто дал водителю наказ:

- Если к 20.00 мы из кишлака не выйдем, сообщите об этом администрации гостиницы «Спинзар».

Затем Гринберг и Мухади вышли из машины и скрылись в глубине кишлака. Успевший хорошо примелькаться талибам Отто смог собрать в Умар-хейле несколько интервью у местных жителей. Однако талибы, не имевшие ничего против него лично из-за мирной журналистской деятельности, но жаждавшие возмездия к ISAF и Бундесверу за трагедию в Чахар-даре, схватили его вместе с переводчиком Мухади. О местонахождении их некоторое время никто не знал. Таксист, не дождавшись выхода из кишлака Гринберга и Мухади, как его и наставляли, сообщил о случившемся по приезду в «Спинзар».

НОВАЯ ФАЗА ОПЕРАЦИИ «ДЖОКЕР»

Трагедия в Умар-хейле, унёсшая жизни десятков афганских граждан и вызвавшая широкий международный резонанс, не отменила операцию TF-47 «Джокер».

Ликвидация организаторов нападений на колонны Бундесвер моулави Шамсутдина и муллы Абдула Рахмана, продолжавших вынашивать план нападения на гарнизон Бундесвер в Кундузе, оставалась для TF-47 приоритетной задачей. Агентурные и разведывательные данные о местонахождении лидеров талибан, стекавшие в ЦБУ TF-47 в течение месяца, постоянно различались. Однако в один из дней оба источника дали схожие сведения. Исходя из них, моулави Шамсутдин в сопровождении двадцати пяти особо преданных талибов в условленное время должен был прибыть в кишлак Халазай уезда Чахар-дара провинции Кундуз. В TF-47 экстренно приступили к разработке новой фазы операции «Джокер».

Операцию решили начать за час до азана — призыва муэдзина к предраусветной молитве, что позволяло застать талибов врасплох. Однако в последний момент выяснилось, что пункт прибытия Шамсутдина с отрядом в кишлак Халазай совпадал с местом содержания заложников, в числе которых были также собственный корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг и переводчик-афганец Султан Мухади. Задача спецназа TF-47 существенно осложнилась тем, что ликвидацию Шамсутдина и его людей требовалось осуществить, не допустив гибели заложников. Её выполнение оберст Георг Юнг решил поручить группе обер-лейтенанта Бруно Тевса. Он вызвал его в ЦБУ, и они склонились над картой, начав подробно обсуждать план действий с учётом вероятного изменения обстановки.

— Залог вашего успеха, — толковал оберст Юнг, — заключается в факторе внезапности и слаженности действий. После высадки важно экстренно и точно установить, в каких помещениях находятся талибы, а где содержатся заложники. Это продиктует плотность огня. Работать нужно ювелирно. Первое, что предпримут талибы, когда вы вломитесь в помещения, начнут расстреливать заложников, даже если они не планировали этого делать загодя, — предупредил оберст Юнг.

— Я вас понял, господин оберст! Постараемся выполнить задачу! — принял к исполнению Бруно.

После завершения инструктажа, оберст Юнг и обер-лейтенант Тевс направились к вертолётной площадке. Стрелки на часах миновали отметку 02.15, на дворе было уже по-осеннему прохладно, но безветренно. Вылета на операцию с лёгким волнением ожидали два экипажа вертолётов NH1 NH90 и две группы спецназа — по 20 бойцов каждая.

— Удачи, обер-лейтенант! — крикнул оберст Юнг, стремясь быть услышанным сквозь шум работавших двигателей и вращавшихся лопастей. — Берегите людей!

— Так точно! — ответил Бруно и запрыгнул в начавший подниматься вертолёт. Время в полёте заняло несколько минут.

В кишлак Халазай спецназ нагрянул внезапно и действовал молниеносно. Тевс и его группа выбивали ногами и оружейными прикладами двери, врываются в помещения глинобитных строений, открывали огонь по талибам, стараясь в суете не зацепить заложников, но получили яростный отпор. Заложники метнулись в сторону и забились в углы, пытаясь укрыться от перекрёстного огня. Бой длился менее десяти минут, когда стрельба прекратилась, Тевс приказал подчинённым уточнить потери. А сам, достав из нагрудного кармана фотографию, начал искать среди убитых талибов лидера Шамсутдина, но его там не оказалось.

После уточнения потерь Бруно вышел на связь с Юнгом:

— Господин оберст, завершили! У меня один убитый и трое раненых, с различной степенью. Один из них корреспондент «Der Spiegel» — будь он не ладен!

Повисла пауза.

— Что с Шамсутдином?! — безмятежно спросил Юнг.

— Среди погибших его нет. Но из периметра никто не вышел. Не пойму, как мы его упустили! — досадовал Бруно.

В эфире вновь повисла тишина. Было заметно, что итог операции огорчил Юнга.

— Плохо! — вернулся к разговору Юнг. — О'кей, по возвращению на базу — разбор полётов. Теперь по эвакуации нашего погибшего и раненых — их в вертолёт и в Мазари-Шариф, а корреспондента «Der Spiegel» грузите на бронетранспортёр и везите в Кундуз в гражданский госпиталь MSF «Врачи без границ» — нечего ему в нашем военном госпитале делать, он и так нам операцию сломал.

Пока Тевс докладывал командованию об итогах операции, к месту её проведения стянулись пять бронетранспортёров. Медики спецназа TF-47 сразу же сделали Отто Гринбергу обезболивающий укол, а прошитое пулей бедро затянули жгутом и перевязали. В докладе обер-лейтенанта Бруно Тевса оберсту Юнгу о потерях в операции «Джокер» не прозвучало имя переводчика-афганца Султана Мухади, получившего в перестрелке пулю в голову и скончавшегося на месте. Визит в кишлак Умар-хейль за интервью стоил ему жизни. Вину за его гибель Отто Гринберг возлагал исключительно на себя.

Дождавшись эвакуации погибшего и двух раненых бойцов вертолётom в Мазари-Шариф, Бруно приказал двум спецназовцам из его группы погрузить Отто Гринберга в бронетранспортёр. Сам сел на переднее сиденье рядом с водителем, а Гринберг и два спецназовца на заднее. Некоторое время в пути, уставившись стеклянным взглядом вперёд, Бруно ехал молча, но при въезде в Кундуз, резко повернулся к Отто Гринбергу:

— Вы чего сюда припёрлись?! Чего вам дома не сиделось?! Вы нам операцию сорвали! Бойца из-за вас потеряли, двух ещё ранило, Шамсутдина упустили!

Бледный от болевого шока, потери крови и действия анальгетика Отто Гринберг решительно ответил:

— Вы делаете свою работу, а я свою!

Получив твёрдый ответ, Бруно подостыл.

ГОСПИТАЛЬ MSF «ВРАЧИ БЕЗ ГРАНИЦ»

Бронетранспортёр с Отто Гринбергом заехал во двор госпиталя «Врачи без границ». Сопровождавшие спецназовцы помогли Отто выйти и, уложив на носилки, занесли в приёмный покой. Вслед за ними вошёл и Бруно.

«Да! — подумал он. — После кундузского зноя здесь настоящий рай: белоснежные стены, прохлада от кондиционеров, персонал в глаженных одеждах и аппетитный запах из столовой. Вот он островок цивилизованной Европы в средневековой стране!»

В приёмном покое была суматоха, врачи прибегали, потом опять убегали — до раненого Гринберга, казалось, никому не было дела. Бруно сильно нервничал и искал глазами, кому бы его поскорее передать. Заметив, что самочувствие корреспондента ухудшается, Бруно стал отвлекать житейскими вопросами.

— В Германии, где живёте? — спросил он уже подобрев.

— В Мюнхене, — ответил Отто.

— Здорово! И я с юга — с Фрайбурга! — поделился Бруно.

— А в Афганистане что делаете? — спросил Бруно.

— В данный момент собираю интервью для статьи, посвящённой 20-летию вывода советских войск из Афганистана.

— К юбилею вывода советских войск?! — переспросил Бруно, выдав свой интерес к данной теме, — О'кей! Но советские войска ушли двадцать лет назад и, как это связано с событиями в Умар-хейле? Туда-то вас, каким ветром занесло?!

— Я журналист! Моё место там, где происходят события, — невозмутимо ответил Отто.

Заметив, что Бруно оттаял, Отто рискнул спросить:

— Обер-лейтенант, простите за бестактность, могу ли я вас попросить об одном деле?

— Надеюсь, что это не написать за вас статью?! — пошутил Бруно. — При всём моём желании быть вам полезным, надо помнить, что я военнослужащий группировки ISAF и у меня куча обязанностей, вверенное подразделение и требовательное начальство.

— Просьба проста, — нужно заехать в гостиницу «Спинзар», где я снимаю номер, и забрать мою большую дорожную сумку, — объяснил Отто. — Номер оплачен до конца месяца. И вот ещё что: в верхней прикроватной тумбочке лежит старая, потрёпанная записная книжка. Положите, пожалуйста, её в сумку.

Неожиданно из-за спины Бруно послышался приятный женский голос на безупречном немецком языке, попросивший переложить раненого Отто Гринберга на каталку, чтобы санитар мог его увезти в операционную. Бруно с любопытством повернулся и увидел перед собой высокую красивую восточную девушку лет 25-и. Её большие тёмно-карие очи, длинные ресницы и густые брови на фоне светлого лица, а также свитая в кольцо толстая чёрная коса, произвели на Бруно незабываемое впечатление. Она была явно не похожа на немку. Однако её немецкий язык с характерным баварским диалектом, явствовал о длительном периоде, прожитом в Германии. Ладный зелёный медицинский костюм — брюки и куртка, к которой был прикреплен бейджик, подчёркивали тонкую талию и другие достоинства женской фигуры.

— Фрау Ахмадзай, какой сюрприз, — вы прекрасно говорите по-немецки?! — отметил владение языком очарованный Бруно.

— Это мой второй язык, — призналась девушка.

— Странно, — удивился Бруно, — а я был уверен, что первый.

— Я родилась, и до прошлого года жила в Мюнхене.

В этот момент, появился санитар-афганец, прикативший каталку.

— Простите, мне надо идти, — объяснила доктор.

Она негромко командовала санитару на языке дари, чтобы он вёз каталку в операционную, а сама, грациозной, полной достоинства походкой пошла рядом.

— Обер-лейтенант! — отвлек провожавшего взглядом доктора Ахмадзай Бруно, отъезжавший на каталке Отто. — Как моя просьба?!

— Я должен сюда непременно вернуться! — ответил Бруно. Просьба Гринберга оказалась божьим промыслом, позволявшим вновь увидеть пленительную афганку:

— Предупредите администрацию гостиницы телефонным звонком, — добавил он, обращаясь к Отто.

С этого момента доктор Ахмадзай уже не выходила из головы Бруно. Выполнив поручение командования по эвакуации Отто Гринберга, он вернулся на базу. К этому моменту в штабе TF-47 для подведения итогов операции «Джокер» оберст Юнг собрал командиров групп. Обер-лейтенант Бруно Тевс подробно доложил о ликвидации горстки талибов, исчезновении Шамсутдина, а также об освобождении корреспондента журнала «Der Spiegel» Отто Гринберга. После завершения доклада, он остался в кабинете оберста Юнга и поведал о просьбе раненого корреспондента:

— Господин оберст! Этот журналист обратился ко мне с бытовой просьбой, требующей, в случае вашего не возражения, двух часов времени.

— Корреспондент «Der Spiegel» очень даже может нам пригодиться! — допустил оберст Юнг вслух и, о чём-то призадумавшись, не спросив сути просьбы, добавил. — О'кей! Полагаюсь на вашу ответственность обер-лейтенант. Вы свободны!

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА И СТАРЫЕ ФОТО

Через день, как и обещал Гринбергу, Бруно заехал в гостиницу «Спинзар». Администратор был уже предупреждён. Бруно поднялся в номер, достал из шкафа большую дорожную сумку, положил её на кровать и подошёл к тумбочке за записной книжкой. Она оказалась старой, в коричневом кожаном переплёте с потрёпанными краями. Из неё выступили края двух пожелтевших фотографий с потёками высохшей крови. Бруно раскрыл записную книжку и увидел на одном из снимков свою молоденькую маму в девичестве — Розу Шмидт, на другом — стоявших в обнимку шестерых советских солдат. С левого края, улыбаясь, глядел его погибший в Афганистане отец — Константин Тевс. Копия этого коллективного фото стояла в рамке на серванте в их домашней гостиной во Фрайбурге. Константин прислал этот снимок в письме домой, ещё в Дамбул в начале 1985 года, в первый месяц своего пребывания в Афганистане. В углу на обратной стороне фото наискосок было написано: «Моей любимой жене Розе и нашему сыну, которого мы назовём Бруно, от папы. Кундуз. Афганистан февраль 1985 года».

Бруно был изумлён. Не помня себя, он помчался в госпиталь к Отто Гринбергу. Когда вбежал в палату, Отто обедал. Бруно забрал из его рук тарелку с супом и, достав из кармана фотографии, произнёс: «Откуда?!»

Отто возмутился:

— Известно ли вам, господин обер-лейтенант, что рыться в чужих вещах неприлично?! — Но, скоро поняв, что испуганность Бруно связана с фотографиями из записной книжки, очевидно имевшими к нему прямое отношение, чистосердечно ответил: — От моджахедов!

— Собирайтесь! Поедем... и покажете того, кто вам это передал, — самоуправствовал Бруно.

— Во-первых, сейчас это невозможно, — спокойно ответил Отто, — поскольку я не могу ходить. Во-вторых, свои источники я никогда не раскрываю, это профессиональная этика! — объяснил он.

Речь Бруно на высоких тонах напугала лежавших на соседних койках трёх гражданских афганцев и медперсонал. Спустя минуту, в палату вошли дежурная медсестра и врач Ахмадзай.

— Что происходит? — твёрдым голосом спросила Ахмадзай.

Бруно, поняв, что ситуация вышла из-под контроля и её необходимо срочно нормализовать, успокоил:

— Всё в порядке, фрау, мы уточняли служебные вопросы.

— Это не военный госпиталь, где могут проводиться служебные расследования. Прошу вас сейчас же покинуть палату! — потребовала Ахмадзай, указав рукой на выход.

Бруно понял, что обстановка накалена:

— Хорошо, я уйду.

С этими словами он вышел из палаты и направился к выходу.

Отто связал эмоции Бруно с вескими причинами и, оперевшись на костыли, поспешил его остановить. Выступив за пределы палаты, он крикнул вслед Бруно:

— Подождите!

Бруно остановился. Они вместе вышли в госпитальный сад, сели на скамейку и разговорились.

— Это вещи моего погибшего отца, — поведал с горечью Бруно. Глаза его наполнились влагой.

— Ваш отец был советским солдатом и погиб в Хост-Ва-Ференге?! — изумился Отто.

— Да! — ответил Бруно. — Мне тогда исполнилось четыре года. После его гибели мы с мамой переехали в Германию.

Отто всё понял и сердечно сказал:

— Обещаю вам! Как только перейду на трость, мы непременно поедем с вами в кишлак в Хост-Ва-Ференге к тому моджахеду, который передал мне эти фото и записную книжку. Но у меня к вам ещё две просьбы. Первая — нужно заехать к брату погибшего переводчика Султана Мухади, Яхъе, и передать его семье от меня деньги, а заодно и предложить ему поработать в качестве переводчика на время нашей поездки в горы. Вторая — настоятельно прошу в поездку переодеться из военной формы в гражданскую. А ещё лучше в традиционную афганскую одежду. Мой личный опыт после недавней трагедии в Умар-хейле показал, что не стоит вызывать у талибов и простых афганцев злобу.

Они вернулись в палату, Отто объяснил, где можно будет отыскать брата погибшего переводчика Яхью Мухади и, достав из дорожной сумки запечатанный конверт с деньгами, передал Бруно.

ПОЕЗДКА В ХОСТ-ВА-ФЕРЕНГ

Рана Отто начала заживать, и он уже мог передвигаться, опираясь на трость. Исполняя данное Бруно обещание, в условленный день, едва забрезжил рассвет, они взяли такси и, заехав за переводчиком Яхъёй Мухади, направились на восток из Кундуза в Талукан. Оттуда повернули на юг в горный район уезда Хост-Ва-Ференг. Без труда отыскав в одном из глинобитных жилищ кишлака Исмадулла — невысокого роста, сухоощавого с побритой головой, рыжебородого таджика лет 45-ти, Отто представил ему Бруно, как сына одного из шурави, погибших в памятном бою. Исмадулла с сочувствием поглядел в очи Бруно и, приложив правую ладонь к сердцу, склонив голову, поприветствовал: «Ассаламу Алейкум». Левый рукав его перухана был завязан тесёмкой, на уровне выше отсутствующего локтя. Переводчик Мухади приготовился переводить.

— Искренне соболезную, — произнёс Исмадулла, — много в том бою погибло воинов — и моджахедов, и шурави. Видите! — Исмадулла вытянул культю левой руки, — на той войне и мне крепко досталось.

Исмадулла окружила ватага ребятишек возраста от семи до одиннадцати лет. Трое из них — два мальчика и помладше девочка, взяли его в поясе в тесные объятия.

— Ваши?! — поинтересовался Бруно.

— Аль-Хамду ли-Лляхи, это младшие! — поблагодарил молитвой Всевышнего, Исмадулла.

Бруно достал из кармана три сотенные купюры евро и передал каждому. Дети взяли деньги, но тут же передали их отцу. «Хорошее воспитание!» — подумал Бруно.

— Ташакур! — поблагодарил растроганный Исмадулла, смущённо проговорив, — это было совсем не обязательно.

Затем он пригласил гостей пройти во внутренний дворик. Увидев посторонних мужчин, женщины, все как одна сорвались на свою половину. Хозяин и гости разулись и расселись на пёстром ширдаке. Один из сыновей принёс чайник и, когда чай был разлит по пиалам, Исмагулла начал своё повествование:

— Была середина июня 1986 года. Шурави тянули колонны из Кундуза в Файзабад. Наш духовный лидер Бурхануддин Раббани и Гульбедин Хекматияр пришли к соглашению, что на время операции распри отрядов партий «Исламского общества Афганистана» и «Исламской партии Афганистана» необходимо прекратить и выступить единым фронтом. Общее руководство действиями моджахедов вёл крупный панджшерский командир Ахмад Шах Масуд. К тому времени вдоль трассы Кундуз-Файзабад сосредоточилось большое число отрядов, участвовавших в минной войне и нападении на колонны. Наш отряд ждал приказа командира Кази Кабира спуститься в случае необходимости с гор и усилить их дополнительной живой силой.

Ранним утром 16 июня 1986 года мы услышали звук приближавшихся вертолётов и увидели высаживавшийся десант. Место высадки очевидно было выбрано ошибочно, поскольку шурави оказались на площадке, находившейся под контролем наших огневых точек. Мы открыли прицельный огонь и в короткий отрезок времени сожгли два их вертолётa. Инициатива была в наших руках, бой длился весь день и возобновился ночью. С обеих сторон были погибшие и раненые. Но у шурави их было много. Наши снайперы попадали в их командиров, отдававших в бою приказы, и вывели из строя радиостанцию. Ночью шурави организовали налёт на вершину, с которой днём мы поражали их огнём. Тогда я только заступил в караул часовым. Во тьме я услышал осыпь мелкого камня и увидел крадущегося снизу высокого крепкого парня и тут же выпустил в него автоматную очередь, сразив наповал (Бруно внимательно слушал рассказ моджахеда, стараясь в эпизодах уловить детали, способные раскрыть обстоятельства гибели отца). Весь наш отряд проснулся и взялся за оружие, — продолжал Исмагулла, — начав стрелять в низину, где находились шурави. Но они наступали с разных сторон, и мы уже были не в силах их остановить. Один шурави вбежал на вершину и был также сражён мною короткой очередью. Внезапно за нашей спиной возникли несколько шурави, зашедших нам в тыл оттуда, где мы их не ждали. Они стали забрасывать нас гранатами и поражать огнём пулемётов. Разрывом одной из гранат мне срезало руку. Она висела на сухожилиях. Но, несмотря на ранение, мне с горсткой моджахедов посчастливилось бежать.

Утром прилетели вертолёты, а затем самолёты, они стали бомбить все высоты и наши моджахеды покинули район. Спустя два месяца лечения в Пакистане я вернулся в отряд. Это совпало со временем, когда моджахеды восстановили разрушенную базу. На месте, где шурави складывали своих убитых и раненных, под валунами, я и нашёл записную книжку и вложенные в неё две фотографии. Видимо, они выпали из кармана одного из шурави. Записная книжка была залита кровью. Вашему другу, обещавшему написать правду об афганской войне, я рассказал о том бое и передал эти реликвии. Русские были смелыми воинами, не то, что эти трусы из ISAF.

Отто и Бруно переглянулись.

— Мы можем добраться до того места?! — спросил Бруно.

— Да! Это недалеко, — ответил Исмагулла. — Если, конечно, вы готовы переночевать в горах.

— Мы готовы! — ответил за всех Бруно.

На ночлег примостились во дворе дома Исмагуллы. С утренней зарёй, оставив Отто в Яхчан-Хурде, Исмагулла, Бруно и переводчик Яхья Мухади, нагрузив двух

ишаков кошмой, одеялами, взяв с собой провиант — в кожаных тюках воду, сухофрукты и лепёшки, — двинулись в путь. Они прошли несколько километров по глубокому ущелью в устьях двух стремительно текущих рек и вышли к кишлаку Дехмиран. Он раскинулся у южного склона горы с отметкой 2781, припёртой с обратной стороны пологой седловиной. Наступили сумерки. Экспедиция разместилась на бивак. Исмадулла разжёл костёр и, посидев недолго за питьём чая, все улеглись спать. С восходом солнца Исмадулла повёл группу в гору. Взойдя на вершину и спустившись в седловину, лежавшую меж двух гор, он остановился:

— Вот сюда высаживались шурави и здесь мы сожгли два их вертолётa.

Бруно увидел проржавевшие фрагменты сожжённых вертолётa, израсходованные пулемётные ленты и россыпи гильз. Исмадулла скрупулёзно передавал эпизоды боя, оставшиеся в его памяти. Бруно внимательно слушал перевод Яхьи Мухади и чувствовал учащение пульса у себя висках. Отрешённый подробным рассказом участника боя, Бруно перенёсся мыслями в июнь 1986 года. Он ощутил себя очевидцем противостояния, взиравшим на подлетавшие к площадке вертолётa: вот они зависли перед высадкой десанта и в них прицельно ударили гранатомётa. Из объятых пламенем винтокрылых машин выпрыгивали шурави и сразу вступали в бой. Сквозь треск очередей и грохот разрывов, Бруно слышал приказы командиров и их доклады по радиостанции в центр боевого управления. Он видел, как росло число убитых и раненых, как самоотверженно бил пулемёт его отца, спасая жизни боевым товарищам. Весь этот видеоряд пробежал у Бруно перед глазами...

— Чуть выше этого склона располагались наши огневые точки, — продолжал Исмадулла. — С них мы простреливали всё ближайшее пространство.

С этими словами он повернулся лицом к одной из вершин, прикрыв ладонью глаза от ослеплявшего из-за кромки горы солнца:

— А вот здесь, в ночи, передо мной предстал тот крепкий шурави, похожий на вас. Исмадулла притопнул на месте, где стоял советский солдат.

Автоматная очередь, оборвавшая жизнь солдата с горным эхом в ночи отозвалась в сердце Бруно. В груди защемило.

Исмадулла закончил. Бруно стоял молча, глубоко вдыхая горный воздух. Затем он собрал большую горсть земли с места, где был застрелен советский солдат, и убрал в рюкзак. Уже смеркалось. Пришло время прощаться. Исмадулла с покаянным видом протянул Бруно руку:

— Простите и не держите зла. Годы, минувшие после ухода шурави, раскрыли нам глаза на многое. Прозрение, даже если оно и приходит через десятилетия, имеет смысл...

Исмадулла вышел проводить гостей за ворота со всеми своими детьми и передал Бруно пакет гостинцев с хурмой и сушёной курагой. Когда гости тронулись в путь, он ещё долго стоял у дороги, о чём-то думая.

СИТА АХМАДЗАЙ

Возвращение из поездки пришлось на полночь. Такси сначала оставило у дома Яхью Мухади, затем направилось в госпиталь MSF, чтобы завезти Отто. Бруно взялся помочь хромавшему Отто донести гостинцы Исмадуллы до палаты. Во избежание нареканий за поздний визит, он бесшумно пробирался по узкому коридору, пока у ординаторской не столкнулся лицом к лицу с дежурившей в ту ночь Ахмадзай. Бруно на мгновение оцепенел, но тотчас собрался и произнёс:

— Фрау Ахмадзай, как я рад вас видеть! С момента нашей предыдущей встречи, корю себя, что не спросил вашего имени. Хочу исправить эту ошибку.

— Моё имя Сита! — представилась она.

— Ваши родители родом из Кундуза? — спросил Бруно.

— Да, из Имам-Сахиба, уезда севернее Кундуза.

— Вы таджичка? — продолжил расспрос Бруно

— Нет, я пуштунка из племени гильзай. Мои корни с юго-востока. Предки наши переехали в Кундуз во времена Эмира Амануллы-хана в 1925 году, тогда была государственная политика пуштунизации северных территорий. Народы севера: таджики, узбеки, хазарейцы перемещались на юг и юго-восток, в места традиционного проживания пуштунских племён, а пуштуны гильзай и карлани на северо-восток в Катаган, — растолковала Сита.

— А в Германии вы как оказались? — поинтересовался Бруно

— В 1980 году после ввода советских войск мои родители с малолетними старшими братьями перебрались в Мюнхен, где, спустя несколько лет, родилась и я, — поделилась Сита.

Бруно был несказанно рад завязавшемуся разговору. Желая успеть расспросить девушку о многом, он взял её за локоть и увлёк в сторону. Но она мгновенно оттянула свою руку и укорила Бруно:

— В Афганистане так не принято! Это не Германия!

— Простите, Сита!

Она между тем продолжила:

— После школы я окончила медицинский факультет Мюнхенского университета. А в 2008 году после прохождения собеседования была принята на работу в медицинскую гуманитарную организацию «Врачи без границ». Это всё, что я сейчас готова о себе рассказать. А теперь мне нужно идти, — резюмировала Сита, улыбнувшись, направилась в одну из палат.

«Сегодня — лучший день в моей жизни», — думал Бруно, возвращаясь в расположение части. С этого дня мысли о Сите его не покидали. Их встречи стали регулярными, возбудив глубокие отношения.

КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ «ДЖОКЕР»

Прошёл месяц. Поиски моулави Шамсутдина и достигшего к тому времени статуса теневого губернатора провинции Кундуз муллы Абдул Рахмана результата не принесли. По агентурным каналам на ЦБУ TF-47 поступили сведения, что в ночь с 18 на 19 октября в кишлаке Гундай уезда Чахар-дара провинции Кундуз под председательством Абдул Рахмана состоится собрание руководящего звена движения Талибан. На нём планировалось обсудить налаживание взаимодействия отрядов при нападении на силы германского контингента ISAF. В кратчайший срок в штабе TF-47 был разработан план операции. Согласно ему группа спецназа обер-лейтенанта Бруно Тевса вылетела на вертолётах в район операции к кишлаку Гундай и, нависнув над строением, где проходила встреча, начала уничтожать талибов огнём из бортовых пулемётов. Подавив активные очаги сопротивления, группа Тевса высадилась и, окружив помещение, приступила к ликвидации предпочитавших не сдаваться в плен. В числе выбравших иной исход оказался и мулла Абдул Рахман. Его и других выживших талибов, посадив на вертолёты, перевезли на базу TF-47.

АВИАУДАР ПО МЕДРЕСЕ В КИШЛАКЕ ДАФТАНИ

Излечение Отто Гринберга шло своим чередом. На предложение своего руководства вернуться в Германию он ответил отказом. Несмотря на ограниченность в передвижении активно работал из госпиталя — назначал во внутреннем саду встречи и на коротке выезжал за пределы. Вот и сейчас в ожидании randevu с Яхьёй Мухади, Отто заблаговременно вышел в сад подышать свежим осенним воздухом. Солнце уже не так припекало, но было тепло +35°С. «Осень в Кундузе — прекрасное время», — думал Отто. Мысли его прервал телефонный звонок из Гамбурга.

В издательстве интересовались состоянием его здоровья и ходом лечения. Едва Отто завершил разговор, как вдруг послышался громкий звук и над землёй низко пролетели два вертолётa с изображением национального флага Афганистана. Вслед за этим вскоре донёсся грохот тяжёлых разрывов. Хромающим шагом, опираясь на трость, Отто проследовал в середину госпитального коридора, где находился стол дежурной медсестры, чтобы справиться о случившемся. Никто ещё ничего не знал, но предчувствия были нерадужные. Первым, что пришло в голову Отто, была аналогия трагедии в Умар-хейле. Спустя несколько минут, набатно зазвонили телефоны, и начался переполох.

По госпитальному коридору к выходу побежал медперсонал, который грузился в кареты «Скорой помощи» и, включив зычные сирены, спешно выезжал. Спросить о случившемся, по-прежнему, было не у кого. Оставалось ждать официальных новостей. В скором времени они последовали. Местное телевидение сообщило, что афганская военная авиация при поддержке сил ISAF нанесла авиаудар по кишлаку Дафтани уезда Дашти-е-Арчи, северо-восточнее города Кундуз. Сообщалось также, что в момент авиаудара в медресе Дафтани проводились празднества по случаю итогов конкурса чтецов Корана среди детей от шести до тринадцати лет. В торжественной обстановке им вручали дипломы и подарки. Отто стал думать, как же ему попасть на место трагедии в кишлаке Дафтани и взять интервью у местных жителей — очевидцев и пострадавших от авиаудара. «Рассчитывать на правдивость сведений от глашатаев из ISAF и афганских официальных источников, бессмысленно, — думал Отто, — особенно если учесть, что уезд Дашти-е-Арчи целиком подконтролен талибам. Единственно верным решением, — полагал Бруно, — остаётся войти с ними в контакт». Внезапно он вспомнил одноглазого владельца чайханы Якуб-хана.

«Это должно быть самый верный ход!» — допустил Отто, решив установить связь с талибами, чтобы получить их санкции на журналистское расследование. В этот момент к госпиталю подъехал Яхья Мухади и они тотчас направились в чайхану.

— Поймите меня правильно, — признавался Якуб-хан, — во многом я осуждаю политику и действия движения талибан и не во всём согласен с самим уважаемым Шамсутдином, оттого держусь от них подальше. Рекомендовал бы вам также учесть, что при освобождении заложников в кишлаке Халазай, в числе которых были и вы господин Отто, — погибли люди Шамсутдина. А сам он, важно отметить, чудом уцелел. Поэтому вряд ли они будут рады видеть вас живым.

— А вы объясните, что я журналист, — стоял на своём Отто. — Моя работа — это сбор подлинного материала. Я прошу лишь допустить меня к потерпевшим.

— Хорошо. Я буду пытаться, — посулил Якуб-хан. Однако по выражению его лица слабо верилось в эту затею.

Отто же дал себе установку не покидать чайхану, пока не получит контакта с талибами. Пока Якуб-хан договаривался о встрече с кем-то по телефону, Отто прошёл с Яхьёй Мухади вглубь чайханы и, заняв привычный топчан, сделал Залмаю заказ.

И вот к чайхане подошёл седобородый мужчина лет 50-ти в синем перухане и светлой чалме. Якуб-хан подвёл его к топчану, где сидели Отто и Яхъя и, указав ладонью на гостя, негромко промолвил: «Это тот, кто вам нужен». Отто и Яхъя учтиво сошли с топчана и пригласили гостя присесть. Якуб-хан заказал для пришедшего гостя чайник и вернулся на вход. Гость молча разулся и взобрался на топчан, усевшись в угол.

— Я корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг, — представился Отто гостю, — а это мой переводчик Яхъя Мухади. Его брат Султан Мухади был одним из заложников в кишлаке Халазай и погиб при освобождении.

Яхъя перевёл слова Отто. Гость кивнул головой и, положив ладонь к сердцу, высказал Яхье на дари своё соболезнование, после чего представился:

— Я Халфутдин. Что вы хотите?

— Я прошу допустить меня в кишлак Дафтани, чтобы взять интервью у местных жителей, а если удастся, и у семей погибших, — сказал Отто.

— Хорошо! Мы проведём вас в Дафтани и даже готовы обеспечить вашу безопасность, — допустил Халфутдин, — взамен мы должны получить правдивое освещение этого бесчинства, без искажений.

— Я обещаю вам снять репортаж на фото и видеокамеру и передать его в редакцию вместе с письменным материалом, осложнив этим попытку фальсификации, — посулил Отто.

На этом и условились. Халфутдин безотложно назначил место и время встречи на южной окраине кишлака Дафтани в 6.00. Покидая чайхану, приободрившийся Отто тепло поблагодарил Якуб-хана за организацию встречи и оставил при рукопожатии, в его ладони несколько сотен евро. Засим он сел в вызванное Залмаем такси и направился в госпиталь. Ко времени возвращения Отто в госпиталь, его внутренний двор был заполнен каретами «Скорой помощи» и более чем сотней афганцев. Слышались мужской гомон и женские рыдания. Госпиталь «Врачи без границ» и два других госпиталя Кундуза были заполнены детьми из Дафтани.

Утром, в назначенный час Отто и переводчик на такси подъехали к месту трагедии. Халфутдин был уже там. Он поздоровался и, поглядев Отто в глаза, спросил:

— Вы подтверждаете выполнение наших требований?!

— Я подтверждаю! — убеждённо ответил журналист. Халфутдин повёл их по узким улочкам Дафтани. Остановились возле здания старой мечети. Её фасад был изрешечён тысячами осколков. Каркас возведённого по случаю празднеств шатра покосился. Сорванная взрывом крыша и оставленные после трагедии минувшего дня кучи пар детской обуви особенно резали глаза. Отто достал камеру и начал снимать. Место, где во время торжеств находились дети, было обильно залито кровью. Кругом были разбросаны обрывки одежды и фрагменты человеческих тел. Отто плавно вёл камерой, стараясь ничего не упустить. У мечети собрался кагал мужчин, которые пылко обсуждали случившееся. Халфутдин подвёл к ним Отто и Яхью, прикрыл своё лицо отрезком чалмы, оставив лишь очи, и произнёс на камеру проникновенную речь:

— Продажные правительственные чиновники заявили, что силы ВВС Афганистана нанесли по кишлаку Дафтани провинции Кундуз точечный авиаудар, уничтожив учебный центр талибан и тридцать его боевиков, в числе которых якобы были прибывший из Кветтской Шуры мулла Берьяни и девять полевых командиров. Было также отмечено, что никто из гражданских лиц при авиаударе не пострадал. Убедитесь, что это не так — перед вашими глазами свидетельство массового убийства детей.

Вослед Халфутдину выступили несколько местных жителей. Отто записал на камеру их истории.

— Когда в небе появились вертолёты, дети испугались и стали кричать: «Они сбросят на нас бомбы! Они сбросят на нас бомбы!», а взрослые их успокаивали: «Этого не произойдёт! Не бойтесь!» Однако это случилось!

— На церемонии присутствовало более двухсот детей 11-ти и 12-ти лет, были и чуть постарше. Благодаря тому, что я стоял чуть поодаль, мне чудом удалось выжить.

— Они не щадят ни нас, ни наших детей! О Аллах, за что нам эти беды?!»

Халфутдин повёл Отто и Яхью по узким улочкам дальше. Из каждого двора доносились женские стенания и плач. Родители и близкие прощались с погибшими детьми перед их выносом на кладбище. Заходя во дворы Халфутдин поднимал руку, давая понять жителям Дафтани, что кафиры Отто и Яхья — это его люди. Отто продолжал снимать на камеру всё, что перед ним представало.

— Моему сыну было всего 13 лет! — произнёс сидевший у тела Абдул Халид, кузнец кишлака Дафтани, вытерев растрескавшимися скрюченными пальцами слёзы с глаз. — Он выучил Коран наизусть и был приглашён на церемонию награждения ттецов-хафизов. В тот день он был празднично одет и особенно счастлив.

— Два моих сына выучили Коран наизусть. Наконец настал долгожданный день их награждения дипломами и участия в церемонии повязывания чалмы, — поведала о своём бездолье облачённая в бордовую паранджу мать двух погибших братьев, — они так этого желали. Накануне они принесли домой два цветочных венка, которые я должна была надеть на них по возвращению с торжеств. Я вышла встречать их на улицу, держа в руках приготовленные венки, а их всё не было. Внезапно в небе низко пролетели два вертолёт, а я услышала четыре громких взрыва, а после них крики. Спустя немного времени, возвратился отец, он нёс на своих плечах тела сыновей. Зайдя в дом, он сказал мне: «Наши сыновья выучили книгу Всевышнего наизусть и сразу отправились к нему на встречу».

В заключение, Халфутдин вновь прикрыл лицо отрезком чалмы и выступил на камеру:

— Среди погибших при авиаударе в Дафтани погиб сто один ребёнок, ранено более ста. Тридцать семь детей будут сегодня похоронены в Дафтани. Тела детей из других кишлаков уже забрали их родители для погребения в других местах. Обращаю внимание всех! — он поднял вверх указательный палец. — Среди погибших и раненых при авиаударе в Дафтани не было ни одного боевика движения талибан, а только мирные жители.

На этом свою миссию в Дафтани Отто и Яхья Мухади выполнили. Они возвращались подавленными и опустошёнными. Вместе с тем, Отто испытывал чувства глубокого удовлетворения, оттого что смог выполнить свою работу. Его одолевали два вопроса: от кого поступили данные о наличии в Дафтани лидеров талибан?! И кто отдал приказ на нанесение авиаудара афганским ВВС?!

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ. ШТАБ TF-47

В кабинете Георга Юнга зазвонил телефон. На обратной линии связи был город Кальв ФРГ бригадный генерал Маркус Нойманн.

— Здравствуйте, господин бригадный генерал, — опередил в приветствии оберст Юнг.

— Здравствуйте, оберст! — поздоровался Нойманн. — Скажите, кто из германских журналистов в данный момент у вас там околачивается? Отто Крюгер из «Der Spiegel», есть?!

— Отто Гринберг! — поправил Юнг, предвкушая проблему.
— Это его мы из плена вызволяли?! — спросил Нойманн.
— Так точно, господин бригадный генерал, его! — подтвердил Юнг.
— Его статья в «Der Spiegel» об авиаударе в Дафтани, наделала много шума. В Бундестаге, ISAF, Пентагоне, Бундесвере — все сильно нервничают, — поведал Нойманн. — Он же был ранен, насколько я помню?
— Так точно, господин бригадный генерал, был! — удостоверил Юнг.
— А что он до сих пор там делает?! — интересовался Нойманн.
— Лечится в госпитале MSF, господин бригадный генерал, — доложил Юнг.
— Так вышлите его к чёртовой матери в Германию, — скомандовал, Нойманн повысив тон.

— Не могу, господин бригадный генерал. Госпиталь MSF — международное гражданское учреждение. А Гринбергу я не начальник. У него своё руководство в Гамбурге. И вообще, предлагаю подумать — стоит ли нам вздорить с «Der Spiegel», — отговаривал Юнг, аргументируя тем, что журналисты народ скандальный, с ними лучше не связываться. Иначе начнут ходить по пятам, вынюхивая жареное, разрушая годами выстроенную агентурную сеть.

— Ну хорошо, — согласился Нойманн, — тогда немедленно заблокируйте им доступ к местам происшествий и местному населению, — приказал Нойманн.

— Это невозможно, господин бригадный генерал, — объяснял Юнг, — к сожалению, у них свои источники информации и они свободны в передвижении.

— К сожалению! — досадовал гневный Нойманн, но освобождает-то из плена их мы и, зачастую, жертвуя своими людьми!

— Я подумаю, — пообещал Юнг, — и попробую что-нибудь предпринять, господин бригадный генерал.

— Хорошо, оберст! Держите меня в курсе!

Оберст Юнг положил трубку и тут же позвонил помощнику.

— Срочно вызовите ко мне обер-лейтенанта Тевса.

Через пять минут в кабинет Юнга постучались.

— Господин оберст, обер-лейтенант Тевс по вашему приказу прибыл! — доложил Бруно.

— Обер-лейтенант! — начал, выйдя из-за большого рабочего стола оберст и предложив жестом руки присесть вошедшему на кожаное кресло у журнального столика. — Насколько я знаю, вы поддерживаете контакт с журналистом Отто Гринбергом?

— Так точно, господин оберст, поддерживаю!

— А где он в данный момент находится? — спросил оберст Юнг.

— По-прежнему на излечении в госпитале MSF «Врачи без границ».

— Этот Гринберг своим материалом об авиаударе в Дафтани поднял большой переполох в обществе. Некоторое время назад из Кальва мне позвонило большое начальство, там крайне негодуют в связи с его статьёй в «Der Spiegel». Считаю необходимым Вам сейчас же направиться к этому Гринбергу в госпиталь и во имя его спасения настоять, чтобы он безотлагательно покинул Афганистан.

— Слушаюсь, господин оберст! — принял к исполнению Бруно, не зная, как поступиться к решению этой задачи. Через полчаса он сидел напротив Отто Гринберга в его палате.

— Отто, мы успели с тобой подружиться. Я искренне не желаю портить отношения, но от меня ждут результата, — объяснял Бруно.

В это время в палату, словно луч солнца, заглянула Сита Ахмадзай, вид у неё был усталый и подавленный.

— Сита! — обрадовался Бруно и встал.

— Фрау Ахмадзай! — оживился Отто. — Как кстати! У вас есть отдельная комната, куда бы мы могли втроём ненадолго уединиться?

Странная просьба несколько обескуражила Бруно. Сита призадумалась и скоро вспомнила о комнате старшей медсестры. Пока она ходила за ключами, Отто попросил Бруно взять его видеокамеру, и они направились сквозь узкий проход госпитального коридора, заполненного множеством коек с ранеными детьми из Дафтани и их близкими. Проходя по коридору, они обратили внимание на молодую афганку с откинутой голубой паранджой, стоявшей у двери в операционную. К ней вышел врач-европеец и, сняв маску, посредством перевода медсестры на дари сообщил, что её сын скончался. Тишину в коридоре разорвал вопль несчастной матери, перешедший в истощное рыдание. Когда Отто и Бруно подошли к комнате старшей медсестры, подтянулась и Сита. Она открыла комнату и включила свет. Заметив, что Сита собирается уйти, Отто попросил:

— Сита, прошу вас, оставайтесь ненадолго. — И предложил ей сесть.

Сита предпочла не садиться и, взглянув на свои часы, предупредила:

— Хорошо, только недолго.

Отто взял из рук Бруно видеокамеру, положил на стол и включил её. Отто ничего не комментировал. Бруно глядел на экран, не отводя глаз. Сита стояла, опёршись о стенку и молча вытирала слёзы.

— Бруно! — произнёс Отто. — Коалиция ISAF предпочитает скрыть это бесчеловечное преступление — с ними всё ясно. А что думаешь ты касаясь этого циничного авиаудара? Допустимы ли в XXI веке такие преступления? Чем они отличаются от преступлений фашистов III-го рейха?

Бруно молчал. Кадры с детской обувью и прощание родителей со своими детьми потрясли его. Он уже не знал, что доложить оберсту Юнгу.

— Отто, сколько вы планируете пробыть в Кундузе? — спросил Бруно, интуитивно чувствуя угрозу его жизни. — Вам бы всерьёз задуматься о личной безопасности. Своей журналистской деятельностью вы стали неудобны не только ISAF, но и афганскому правительству. Устранить вас руками специалистов из ISAF или подкупленных талибов — легко выполнимая задача.

— Я должен закончить сбор материала о присутствии советских войск, — объяснил Отто. — Полагаю, это займёт ещё месяц.

Бруно принял это к сведению. В готовности Отто покинуть Афганистан он сильно сомневался. Он подвёл его в палату и пригласил Ситу недолго посидеть в госпитальном саду.

— Вы родились в Советском Союзе? — неожиданно спросила Сита.

— Да, в Казахстане, — ответил Бруно. — В городе Джамбул. Мы немцы. В Россию из Германии мои предки переехали в 1762 году, а вернулись в 1989-м.

— Это правда, что ваш отец погиб в Афганистане? — сочувствующе поинтересовалась Сита. — мне об этом сообщил господин Гринберг.

— Правда, — подтвердил Бруно.

— И где же это произошло? — спросила Сита.

— Здесь неподалёку, в горах Хост-Ва-Ференга. — уточнил Бруно.

— Мне очень жаль, — соболезновала Сита и, желая сменить тему, продолжила, — Представляю изумлённые лица моих родных, узнающих об ухаживаниях за мной сына шурави.

— Разве это усугубит положение после того, что я военнослужащий ISAF? — с улыбкой привёл Бруно.

— Знаете, отношение афганцев к шурави разное, неоднозначное. — начала объяснять Сита, — Да, война в 1980-е годы его сильно подпортила. Но ведь было и много хорошего. Родители рассказывали, что Советский Союз до войны в Афганистане на свои средства строил фабрики, заводы, комбинаты, крупную гидроэлектростанцию Наглу, основал в Кабуле политехнический институт, проложил тоннель на Саланге.

— Значит у меня всё же есть облегчающие обстоятельства? — с улыбкой полагался Бруно.

Повисла пауза. Бруно взял в свои руки ладони Ситы и пристально посмотрел ей в очи. Она почувствовала неловкость, опустила взгляд и, отнимая руки, обратила внимание на время на часах Бруно.

— О, мне уже пора бежать, — оповестила Сита и, дойдя с Бруно до дверей госпиталя, исчезла в толчее коридора.

Шло время, при каждом удобном случае Бруно приезжал в MSF, чтобы зарядиться душевным теплом Ситы. Их встречи были урывками, но ожидались обоими с нетерпением. За короткий промежуток времени Бруно без остатка овладел сердцем Ситы. Она же, проникшись искренностью его чувств, отправила родным в Мюнхен письмо, с вложенным в него фото. В письме Сита сообщала, что молодой человек на фотографии — немец Бруно Тевс офицер Бундесвера из ISAF, испытывает к ней глубокие нежные чувства и просит у них её руки.

ГАРНИЗОН TF-47

В расположение Бруно прибыл уже поздно вечером. Дежурный по подразделению сообщил ему, что утром к оберсту Юнгу приехал навестить его сын Альфред, курсант Мюнхенской военно-медицинской академии. Бруно обрадовался этому обстоятельству, посчитав его основанием отсрочить доклад, касающийся убийства Отто в Германии. Он с душевным облегчением направился в свой кубрик и лёг спать.

Тем временем талибы, как и TF-47, внимательно следили за событиями в стане противника. О приезде в Кундуз младшего Юнга, сразу же стало известно моулави Шамсутдину. Он начал искать удобного случая для похищения. И в скором времени, случай представился. Талибы, ведущие постоянное наблюдение за гарнизоном TF-47 из ближайшей окрестности, зафиксировали выезд из части бронетранспортёра с Альфредом Юнгом и сопровождавшими его двумя спецназовцами, установив за ними слежку. Воспользовавшись остановкой бронетранспортёра на кундузском кругу, площади в центре города, для покупки младшим Юнгом сувениров, талибы с двух сторон совершили огневой налёт небольшой группой. Сначала они застрелили спецназовцев, а затем затолкали младшего Юнга в малоприметный автомобиль и увезли в неизвестном направлении. О местонахождении Альфреда Юнга было неизвестно. Оберст Георг Юнг пал в отчаянье. Всю ночь он провёл в своём кабинете, не сомкнув глаз в ожидании хоть какой-то весточки о сыне. После утреннего развода в кабинет оберста постучал Бруно Тевс:

- Разрешите войти, господин оберст?!
- Проходите, обер-лейтенант!
- Помните скандальную статью об авиаударе по Дафтани в «Der Spiegel», вызвавшую международный общественный резонанс? — сразу перешёл к делу Бруно.
- Помню, как не помнить, — ответил оберст докучавшему, как он полагал, несвоевременным вопросом Бруно.

— Так вот, — продолжил Бруно, — я полагаю, собрать материал её автору, корреспонденту Отто Гринбергу без помощи талибов было бы невозможно. Я более чем уверен в наличии у Гринберга контактов с талибами.

— Резонно мыслите, обер-лейтенант, — приободрился оберст. — Вы хотите сказать, что эта карта в колоде нам может пригодиться?

— Разрешите мне отлучиться в госпиталь MSF и уговорить Гринберга привлечь свои контакты для поиска Вашего сына?

— Разумеется, обер-лейтенант! — согласился Юнг. — Буду вам сердечно благодарен!

Вскоре переодетый в гражданскую одежду Бруно был в госпитале MSF. По подсказке дежурной медсестры он отыскал Отто в госпитальной столовой.

— Вчера в Кундузе талибы расстреляли двух наших спецназовцев и захватили сына оберста Юнга — Альфреда.

— Я слышал об этом, — сочувственно произнёс Отто. — Неприятная история.

— После авиаудара по кишлаку Дафтани ты поехал на место и сделал объёмный репортаж?! — продолжил Бруно.

— Я журналист, это моя работа! — декларировал Отто. — И что?!

— Это невозможно было сделать без содействия талибов, верно?! — допрашивал Бруно. — Они провели тебя в кишлак, обеспечили личную безопасность и предоставили возможность всё снять? Прошу тебя, Отто, подними свои контакты, узнай о месторасположении младшего Юнга и условиях его освобождения.

— Я не возьмусь! — не думая, отклонил просьбу Отто. — Оберст Юнг — виновник гибели более чем ста мирных афганцев, о талибах я даже не говорю.

Бруно откинулся на спинку стула и, повернувшись вполборота, с отчаянием стал глядеть в окно.

— Между прочим, операция по твоему освобождению в Халазай проводилась под командованием оберста Юнга. В ней он потерял двух своих подчинённых, — резюмировал Бруно.

Повисла пауза.

— Хорошо! — неохотно согласился Отто. — Я попытаюсь. Но сразу предупреждаю: ничего не обещаю!

— Спасибо, Отто! — сердечно обрадовался Бруно. — Я был уверен, что ты не останешься равнодушен. Пока ты будешь собираться, я забегу к Сите и через 15 минут буду ждать тебя у выхода.

— Бруно! — обрадовалась Сита, встретив его в коридоре. — Я получила письмо от родных из Мюнхена. Отец разрешил мне встречаться с «немцем — Бруно» и даже планировать свадьбу. — Сита взяла паузу — Но непреложным условием к этому остаётся соблюдение наших исконных традиций, не допускающих физической близости до вхождения в брачные узы. Ты к этому готов? — спросила она, хитро улыбаясь.

Бесконечно счастливый Бруно чуть было не обнял Ситу прилюдно. Однако вовремя остановился.

— Ну конечно готов! — воскликнул Бруно, вскинув руки вверх. — Как я счастлив Сита, как я счастлив! — вспомнив что-то, он досадой посмотрел на часы. — Сейчас мне нужно бежать. Но расскажешь мне всё подробно, когда вернусь, хорошо?!

С этими словами непомнящий себя от счастья Бруно покинул стены госпиталя. Отто к тому времени уже переоделся, позвонил переводчику Яхье Мухади и, подтвердив встречу в чайхане Якуб-хана, ждал у дороги подъезда такси. Они сели с Бруно на заднее сидение подъехавшего авто и выдвинулись к «кундузскому кругу».

— Отто! У меня отличные новости! — известил с отрадой Бруно.

— Какие сейчас могут быть хорошие новости? — удивился Отто.

— Родители Ситы готовы отдать мне её в жёны. — сообщил Бруно. — Это невысказано, Отто!

— Действительно невысказано! — поразился Отто, разделив радость и заметив по случаю. — Это редкая удача для немецкого офицера из ISAF!

— Я предложу Сите провести торжества бракосочетания в двух городах — во Фрайбурге и Мюнхене. — поделился планами не веривший фортуне Бруно. — Отто, дай мне зарок присутствовать! А ещё пообещай поехать со мной в Россию, чтобы по адресам из записной книжки мы отыскивали друзей отца!

— Обещаю Бруно! — посулил улыбнувшийся Отто.

Время в пути пролетело быстро. Такси остановилось на обратной стороне дороги напротив чайханы. Якуб-хан по обыкновению стоял на входе. Увидев выходящих из такси Отто с товарищем, он отрадно махнул рукой. Они пропустили поток сигнальных машин и перешли дорогу. К этой минуте подошёл и Яхья Мухади.

— Ассаламу Алейкум! — поздоровался Отто.

В ответ Якуб-хан с улыбкой кивнул головой и приложил ладонь к сердцу. После статьи Отто Гринберга в крупнейшем мировом издании с подлинным освещением трагедии в Дафтани, он стал для талибов и Якуб-хана человеком слова. Помнилось Якуб-хану и персональное денежное вознаграждение от Отто за связь с талибами. Он проводил гостей до привычного Отто топчана и, позвав сына Залмая, принял у них заказ.

— Якуб-хан! — обратился к стоявшему подле топчана хозяину чайханы Отто. — Вы вероятно в курсе, что на днях в Кундузе был атакован бронетранспортёр Бундесвера? Двое военных погибли, и был похищен сын командора Юнга из TF-47 — молодой человек 20-ти лет?!

Яхья Мухади перевёл слова Отто. Якуб-хан сочувственно кивнул головой. Отто продолжил:

— У меня к вам просьба: свяжитесь с людьми Шамсутдина, наверняка им известно, кто это сделал. Мы передадим их условия в TF-47, — Отто кивнул на доселе незнакомому ему Бруно, — я верю, что сторонам удастся найти компромисс.

— Не могу что-либо обещать, — безотрадно произнёс Якуб-хан, — предлагаю встретиться завтра в это же время. Возможно, я смогу что-то прояснить.

Беседу прервал расторопный Залмай, принёсший гостям заказанные блюда: большое блюдо плова, бараний шашлык и горячие лепёшки. Гости отложили обсуждение и под звучавшую из колонок задушевную «Dast az talab nadaga» певца Ахмада Захира приступили к трапезе. Завершив, Бруно рассчитался за еду и, договорившись с Отто и Яхьёй Мухади о встрече в чайхане на следующий день в условленное время, зазвал для них ожидавшее через дорогу такси.

— Отто! Вы ежайте, — попрощался Бруно, — а я пойду купить Сите подарок.

Бруно спешно направился в расположенный в 30-ти шагах с большими панорамными окнами и яркими витринами, ювелирный магазин. На входе его встречал хозяин — пожилой индус — сикх в чёрном индийском тюрбане, белоснежной длинной широкой рубахе и узких длинных штанах из дорогой ткани.

— Ассаламу Алейкум! — поздоровался Бруно.

— Guten morgen! — поприветствовал индус.

В магазине других покупателей не было. Бруно подошёл к витрине с множеством украшений. Индус прошёл по внутренней стороне витрин и встал напротив.

— Хотите что-то себе выбрать? — услужливо спросил он.

— Нет, невесте! — ответил Бруно.

— Замечательно! — обрадовался индус. — У нас есть всё, чтобы завоевать сердце прекрасной девушки! Она немка?! Сколько ей лет?!

- Она афганка 25-ти лет! — уточнил Бруно.
- Афганка?! — изумился индус.
- Неважно! Мне нужен подарок. Кольцо!

Индус окинул взглядом изделия под стеклом и, потянув на себя лоток, с пафосом проговорил:

— Золото белое, жёлтое, розовое?! На взыскательный вкус — лучшие в Афганистане драгоценные камни: памирские рубины, панджшерские изумруды, — не хуже колумбийских, замечу я вам! — Индус пристально поглядел на растерянного Бруно. — На какую сумму вы рассчитываете?

Бруно озадачился. Индус окликнул помощника и распорядился подать кофе.

— Вот, афгано-бадахшанский лазурит из Джарма! — не давал индус опомниться. Он достал из-под стекла на подставке серебряный гарнитур из изящных серёг и кольца с овалами синего лазурита и передал Бруно.

— Прекрасное качество камня! — восхвалял индус. — К вашему сведению, афганский лазурит — лучший в мире. При раскопках он найден даже в гробницах фараонов!

Бруно заинтересовался, вообразив украшения на Сите.

— Я куплю это! — посулил он. — Сколько вы готовы уступить в цене?!

— Если Вы купите ещё что-нибудь, — призвал индус, — скидка очевидно будет больше!

— О'кей! — Бруно провёл взглядом по витрине и, указав на изделие под стеклом, попросил. — Вот это жёлтое кольцо с зелёным камнем.

— О! Это прекрасный выбор для будущей супруги — матери ваших детей! — продолжил панегирик индус. — Золотое кольцо с изумрудом! Панджшерские изумруды славятся на мировых биржах и не уступают качеством замбийским и бразильским.

— Какова будет ваша скидка?! — прервал тираду Бруно, изучив ценники на ниточной привязи.

Индус постучал пальцами по калькулятору и выдал:

— 25% — это максимальная!

— Несерьёзно! — отклонил Бруно — 35%!

— 30%! — поступился индус.

— Уговорил! — согласился Бруно.

Индус озарился улыбкой и, взяв у Бруно кредитную карточку «VISA», прокатал её в терминале. Затем он сложил украшения в маленький рекламный пакет с надписью арабской вязью и передал Бруно. Тот сразу достал их обратно и переложил в свой форменный рюкзак. Поблагодарив, Бруно уже приблизился к выходу, как вдруг благодарный индус, пользуясь отсутствием покупателей пожелал дать ему полезный совет:

— Молодой человек! При первой же возможности берите свою невесту и бегите из Афганистана! Счастья здесь вам не видать!

— Отчего это вдруг?! — вернулся Бруно к индусу.

— Меня зовут Икбал Сингх! — представился он, истово приложив руку к сердцу.

— Моё подлинное имя вам знать не желательно! — улыбнувшись откликнулся Бруно. — Зовите меня Константин!

— Мистер Константин! — продолжил Сингх, — Мои предки приехали из Пенджаба в Афганистан более двух столетий назад. Я родился и вырос в Кундузе, где в большинстве своём, на моей памяти, жили пуштуны, затем узбеки, за ними таджики, туркмены, этнические арабы и, в ничтожной степени, мы, пенджабские сикхи! Я окончил в Кундузе школу, затем в Кабуле университет. Афганцы и индусы всегда сосуществовали в Кундузе мирно, как и в Файзабаде, Джелалабаде, Кабуле, Гардесе, Кандагаре.

В афганском обществе была абсолютная толерантность к религиозным традициям хазарейцев—шиитов, памирцев—исмаилитов, индусов—сикхов. Следует отметить, что живущие в Афганистане сикхи издревле занимались высокобюджетной торговлей и были людьми небедными. В их владения входили большие магазины и базары, дети сикхов получали престижное образование за границей в университетах Исламабада, Дели, Лондона, Нью-Йорка и были высокообразованы!

Однако с приходом к власти в Кабуле радикального движения Талибан к индусам и их традициям стала проявляться нетерпимость. Из 150-ти тысячной общины сикхов Афганистана 1970-х годов на текущий момент не наберётся и 4-х тысяч! Афганским детям запрещают играть вместе с нашими, учиться в одной школе и в иных учебных заведениях. наших детей афганские оскорбляют, обзывают и унижают, равно как и взрослых. Сикхи уважают свою свободу, как и свободу других людей!

В день, когда скончалась моя незабвенная супруга Амрит Сингх, да отведётся ей в раю лучшее место, мы с моими выросшими детьми и представителями сикхской общины провожали её в последний путь с соблюдением религиозных традиций. На пути к существовавшему истари месту кремации соплеменников нас встретила толпа молодых людей. Со скабрёзными выкриками, на глазах у почтенных горожан, похоронную процессию закидали камнями и гнилыми овощами, потребовав убраться прочь в Индию. Нам не осталось ничего, как стерпеть это унижение, укротив гордыню и пожертвовав достоинством. Ужас в том, — распекался Икбал Сингх, — что ни один из старейшин, видевших это бесчинство, не укротил и не осудил их!

Бруно сочувственно кивнул.

— Спасибо, мистер Сингх, я учту ваши наставления!

Но мыслями Бруно был уже рядом с Ситой. Желая поскорее увидеть её счастливые глаза, он пожелал индусам благополучия и спешно покинул ювелирный магазин. Просочившись сквозь движущийся транспорт, Бруно бойко запрыгнул в стоящее по обратную сторону дороги такси и вскоре прибыл в госпиталь «MSF».

Въехав во внутренний двор MSF, Бруно высадился, обратив внимание на смонтированную в глубине госпитального сада эстрадную сцену, ферму с осветительными приборами, звуковое оборудование и настраивающих музыкальную аппаратуру артистов. Он прошёл по госпитальному коридору и отыскал в ординаторской сидевшую в одиночестве за изучением историй болезни Ситу. Бруно приковал к ней любящий взгляд и, приналегши спиной к двери, заперся. Сита так же смотрела с любовью, ожидая его дальнейших действий. Бруно подошёл, не отводя глаз, нежно взял за руку и вывел её из-за стола. Повернув спиной и закрыв ладонью Сите глаза достал из рюкзака коробки с украшениями и в открытом виде положил на стол. Когда Бруно убрал ладонь, Сита увидела, повернувшись, серебряный гарнитур с лазуритом и золотое кольцо с изумрудом.

— Сита, прошу тебя, примерь это! — просил Бруно.

Сита с застенчиво вставила стержни серёг в ушные проколы и надела оба кольца на безымянные пальцы рук. С дразнящей улыбкой она дважды сменила профиль, показав в ушах серьги и подняв пальцами вверх внешние стороны ладоней, продемонстрировала кольца.

— Ну как?! — интересовалась она.

— Это мои предсвадебные подарки! — декларировал Бруно, пояснив. — Жёлтое с зелёным камнем — обручальное кольцо!

Бруно подался вперёд, чтобы поцеловать Ситу. Она прикрыла его губы ладонью.

— Ещё рано! — препятствовала Сита. — Отец в ответном письме согласился на долгие уговоры, мои и мамы, выйти за тебя замуж. Но! — сообщила она условия. — При

непрерывном сохранении целомудрия до вхождения в брак. Девичья честность — это главное богатство незамужней девушки! Придётся потерпеть, Бруно!

— Куда деваться! — сожалеет он. — Потерпеть, так потерпеть!

— Бруно! — сменила тему Сита. — Вечером в MSF с благотворительным концертом выступит известный и всеми любимый Шафик Мюрид — афганский певец и музыкант. Приглашаю тебя на концертную программу. Только сесть нужно будет среди докторов — мужчин. Афганские традиции, — напомнила она улыбнувшись, — строги и неизменны! Иначе это вызовет негодование здешних моих родственников и местных жителей.

— Что ж тут поделать?! — согласился Бруно. — К мужчинам так к мужчинам!

Концерт ждал своего начала. На стульях перед сценой сидел докторский состав «MSF», разделённый по гендерному признаку. Бруно сидел в центре первого ряда. Сита — в четвёртом с краю. Синее красивое платье на ней согласовывалось с лазуритом в украшениях. Больные госпиталя расположились в дальних рядах, женщин среди них не было. К заигравшим на сцене музыкантам вышел невысокого роста артист. Зрители встретили его аплодисментами. Мюрид начал проникновенно исполнять народные песни. Вскоре под бой табла (афганский барабан) ансамбль заиграл ритмичную музыку, зазывая на танец перед сценой активных зрителей. Европейские сотрудницы «MSF», знавшие о пуштунском происхождении Ситы стали теснить её к сцене, приневолив к танцу. Сита вошла в ритм, зажигательно затанцевав и воодушевив хлопавших в такт зрителей и артистов. Восторженный её грацией, Бруно хлопал громче всех.

На базу Бруно возвратился поздно вечером. В первую очередь направился к оберсту Юнгу и доложил о прошедшей и предстоящей с представителем талибов встречах.

На следующий день в назначенный час Отто, Бруно и Яхъя Мухади вновь прибыли в чайхану. У входа их встретил приветливый Якуб-хан. Они прошли в зал и забрались на привычный топчан. Они увидели, как к Якуб-хану подошёл эмиссар талибов Халфутдин. Якуб-хан подвёл его к топчану, где сидели гости. Увидев незнакомого европейца, Халфутдин спросил:

— Кто это?!

Якуб-хан вопросительно посмотрел на Отто, и он посредством перевода Мухади, пояснил:

— Офицер Бундесвер, уполномоченный оберста Юнга.

Халфутдин посмотрел на Бруно недобро и потребовал:

— Пусть подождёт, пока мы переговорим.

Мухади перевёл настояние, и Отто внял ему. Дабы построить конструктивный разговор, он попросил Бруно подождать за чаем, пока они с Яхъёй переговорают с Халфутдином. По предложению Якуб-хана они вчетвером устроились в служебное помещение. Бруно остался сидеть на топчане и с любопытством созерцал уличную суматоху. «Когда-то улицы Кундуза, изумляли своей архаичностью и моего отца», — думал Бруно. Появился Залмай с чайником зелёного чая. Бруно дважды перелил его из пиалы обратно в чайник и, наполнив до половины, сделал глоток. Пока он дожидался завершения разговора Отто и Халфутдина, с топчана напротив сошёл типичный смуглый афганец в белой чалме и бежевом перухан. Он подошёл поближе и, став боком, не отводя взгляда от двери в служебное помещение, на хорошем русском проговорил:

— Советую вам уклониться от личного участия в обмене сына Юнга на лидеров талибан. И ещё: о ваших близких отношениях с племянницей Шамсутдина — доктором госпиталя MSF «Врачи без границ» Ситой Ахмадзай известно талибам. Это опасно!

— Кто вы?! — изумился русской речи Бруно.

Незнакомец пропустил вопрос, спешно направился к заменившему отца на входе Залмаю и, сунув ему на ходу купюру, исчез в потоке прохожих. Тем временем в разговоре в служебном помещении Халфутдин сообщил:

— Сын командора Юнга находится у Шамсутдина. Налёт на бронетранспортёр и его похищение стало ответом за гибель детей в кишлаке Дафтани. С молодым человеком обращаются нормально — дают воду и еду.

— Какие у Шамсутдина на него планы?! — спросил Отто.

— Шамсутдин человек великодушный! Не будем исключать вариант обмена, — допустил Халфутдин.

— Кого же он хочет получить взамен?! — поинтересовался Отто.

— Шамсутдин готов обменять сына командора Юнга на муллу Абдул Рахмана, пленённого в кишлаке Гундай и пятерых лидеров талибан из Кундуза, Баглана, Тохара и Бадахшана, арестованных TF-47! — довёл предложение Шамсутдина Халфутдин. — Список имён написан здесь!

Он передал Отто свёрнутый пополам лист бумаги и продолжил:

— Там же указана дата и место, где должен быть проведён обмен.

Отто раскрыл смятый лист и увидел текст на немецком языке. После списка фамилий и имён талибов, были написаны дата, время и место: спустя неделю в 6.00 утра у съезда с трассы «Кундуз—Баглан» на пустыре окраины города Алиабад.

— Безопасность обмена, — продолжил Халфутдин, — по требованию Шамсутдина, должна быть гарантирована вашей жизнью и кого-то из приближённых оберста Юнга. Вы и ещё кто-то от командора Юнга на время обмена будете взяты в заложники. Это продиктовано тем, что обращение об обмене поступило от вас. В заключение мне велено передать, что предпринимать какие-либо шаги по поиску младшего Юнга не нужно! Жизнь его целиком зависит от воли Шамсутдина.

На этом разговор был завершён. Вчетвером они вышли в зал, Якуб-хан пошёл провожать Халфутдина к выходу, а Отто и Яхья Мухади присоединились к Бруно, и за пересказом состоявшегося разговора стали пить чай.

— Вот такие условия, Бруно! — резюмировал Отто, поведав требования талибов.

— Я считаю неправильным втягивать тебя в это дело! — высказал мнение Бруно. — В заложниках останусь я и офицер из TF-47.

— Условия в данном случае ставят талибы, — напомнил Отто.

Бруно не смог этому возразить. Когда он возвратился в расположение TF-47, то сразу зашёл в кабинет к оберсту Юнгу и обстоятельно пересказал разговор с Халфутдином, передав ему лист бумаги со списком талибов, местом и временем обмена. Вернувшись в свой кубрик Бруно продолжал осмысливать ход предстоящего обмена, но в промежутках беспрестанно возвращался к милой сердцу Сите.

АВИАУДАР ПО ГОСПИТАЛЮ MSF «ВРАЧИ БЕЗ ГРАНИЦ»

Истекал сентябрь. В Кундузе по-летнему грело солнце +36°С, было сухо и безветренно. До назначенной даты обмена Альфреда Юнга на лидеров движения талибан оставалось шесть дней. Утром следующего дня по приказу командующего группировкой «Север» бригадного генерала Ханса Штрука все командиры групп TF-47 вертолётами были переброшены в центральный штаб в Мазари-Шариф на инструктаж по обеспечению мер безопасности во время краткосрочного визита в Афганистан министра обороны ФРГ. Тем временем обстановка в Кундузе резко ухудшилась. Вопреки тому, что провинция не входила в зону ответственности США, её подразделения стали

проводить здесь рейды в поисках членов талибского подполья. Учитывая близость их проведения к жилым и общественным местам, во избежание попадания госпиталя MSF «Врачи без границ» в зону огненного удара, 29 сентября руководство госпиталя представило американцам свои GPS-данные. Однако, не вняв данному оповещению, 2 октября авиация США из объединённых сил западной коалиции ISAF нанесла по нему удары в момент, когда в нём находились 89 врачей и свыше ста пациентов. Первый удар воспламенил главное здание госпиталя, второй пришёлся по корпусу, где находились больничные палаты. Шанс спастись представился немногим, большое число больных сгорели заживо. Находившийся в это время на перевязке, Отто эвакуировался в промежутке между авиаударами в госпитальный бункер, но связаться с кем-либо оттуда не смог. Весть об авиаударе по госпиталю MSF мгновенно разнеслась по округе. Вскоре о событии узнал и находившийся в Мазари-Шариф Бруно. Огоршенный, он беспрестанно начал звонить Сите в Кундуз. Но номер дежурной медсестры и другие телефоны госпиталя не отвечали. Тогда он связался со штабквартирой MSF «Врачи без границ» в Женеве.

— Добрый вечер! — ответил женский голос. — Офис международной медицинской организации «Врачи без границ». Чем я могу вам помочь?!

— Здравствуйте! — поздоровался Бруно. — Я не могу дозвониться до своей невесты, вашей сотрудницы, работающей в госпитале Кундузе. Её зовут Сита Ахмадзай. Я хотел бы убедиться, что с ней всё в порядке.

— Побудьте, пожалуйста, на линии, — попросила сотрудница MSF и поставила звонок на ожидание. Спустя три минуты она вернулась к контакту с Бруно. — Спасибо за ожидание! В данный момент имена пострадавших уточняются. Попробуйте позвонить нам через два часа. Надеюсь, что к этому времени обстановка уже прояснится, — предположила она и повесила трубку.

Через два часа Бруно повторил звонок. Трубку сняла та же сотрудница, она сразу узнала голос Бруно.

— Простите, очень много звонков, напомниме, пожалуйста, фамилию вашей невесты, — любезно попросила она.

— Ахмадзай! Сита Ахмадзай! — чётко произнёс Бруно.

— Оставайтесь, пожалуйста, на линии, — попросила она и вновь перевела звонок на ожидание. К разговору она вернулась потухшим голосом, проговорив с прискорбием: — Сожалею, но у меня для вас плохие новости. Доктор Сита Ахмадзай указана в списке погибших.

«...Сита Ахмадзай указана в списке погибших...», — отозвалось эхом в ушах ошарашенного Бруно.

— Оставьте, пожалуйста, свой контактный телефон, — попросила девушка, — мы непременно вам позвоним.

Но этих слов Бруно уже не слышал.

Через некоторое время на связь с Бруно вышел Отто:

— Бруно, ты уже знаешь?! — скорбно спросил он.

— Как это случилось?!

— Когда начался налёт, Сита находилась в главном корпусе на летучке. Бомба разорвалась прямо под их окном. Взрывом выбило все стёкла. Осколки бомбы поразили всех, кто там находился. Никто не выжил! — поведал Отто. — Выражаю тебе своё соболезнование, Бруно!

По скромным официальным оценкам, под бомбами ВВС США погибло сорок два человека, ещё тридцать семь были ранены. На следующий день из Мюнхена в Мазари-Шариф прилетела семья Ахмадзай — родители и старшие братья Ситы. По

прибытию в Кундуз, они без лишних формальностей получили тело Ситы в госпитале MSF. Придать его земле они решили в уезде Имам-Сахиб провинции Кундуз на кладбище у мавзолея «Баба Хатим Зиярат» рядом с предками и сородичами. Руками родственных женщин ночью совершили омовение и тело обернули в саван. Едва рассвело, Бруно и Отто подъехали к распахнутым воротам большого дома в Имам-Сахибе. Там уже было большое скопление народа и непрерывно подъезжали легкие автомобили, высаживавшие вооружённых мужчин. Выстроившись в очередь, они входили во двор и выражали семье Ахмадзай свои соболезнования. Был среди них и Халфутдин. Он прошёл мимо подошедших Бруно и Отто, сделав вид, будто с ними незнаком. Тут Бруно вспомнил слова смуглого незнакомца в белой чалме и бежевом перухан в чайхане Якуб-хана, сообщившего по-русски, что о его отношениях с племянницей Шамсутдина Ситой Ахмадзай знают талибы, и это опасно.

— Так вот почему здесь так много вооружённых людей, — смекнул Бруно, — Шамсутдин, очевидно, тоже здесь.

Бруно и Отто стояли у ворот дома, обращая на себя суровые взгляды мужчин и проклятья женщин и не решались пройти внутрь двора. В глазах скорбевших афганцев немцы Бруно и Отто тоже были виновны в гибели Ситы Ахмадзай и других афганцев в авиаударах. Обстановка накалялась. За ворота дома проводить группу старейшин вышел отец Ситы — Аюб Ахмадзай. Он был разбит горем. Увидев европейцев, он узнал по присланной Ситой фотографии её жениха Бруно Тевса. Аюб Ахмадзай подошёл к нему и Отто, и по-немецки деликатно попросил:

— Будет лучше, если вы сейчас уйдёте!

Бруно и Отто, понимая кивнули и покинули Имам-Сахиб. По прошествии получаса Бруно перевёз Отто с личными вещами из разрушенного госпиталя MSF в гостиницу «Спинзар», а сам направился на базу TF-47. На душе у него было скверно. Помимо кручины, которую он испытывал после потери любимой Ситы, его переполняло чувство вины за горе и страдания афганского народа от действий международной военной миссии ISAF, заставляя их переоценить. Но как бы то ни было в ближайшие дни ему и Отто предстояло участие в обмене лидеров талибан на Альфреда Юнга.

ОБМЕН АЛЬФРЕДА ЮНГА

Было раннее утро +24°С. Туманилось. В условленное время к пустырю на окраине уездного центра Алиабад, расположенного южнее Кундуза подъехала такси, из которого вышли Бруно Тевс и Отто Гринберг. К ним тотчас, в соответствии с условиями обмена, установленными Шамсутдином, подошли трое вооружённых талибов. Они связали им за спиной руки и глаза и отвели за ближайšie глинобитные постройки. Вскоре на горизонте появилась колонна из пяти единиц германской бронетехники: четыре броневика с группами спецназа, посредине ехал бронированный грузовик. В его кузове находился мулла Абдул Рахман, с ним пять лидеров движения талибан и охрана TF-47. Колонна чинно съехала с трассы и встала в ожидании. Из головного броневика вышли оберст Георг Юнг и два офицера из TF-47. Спецназ обступил своих командиров. Туман к тому времени уже рассеялся. Оберст Юнг был напряжён.

Спустя короткое время к месту встречи на двух мотоциклах подъехали трое афганцев с радиостанциями. Их задачей была идентификация пленных талибов и доклад об этом командиру. Оберст Юнг жестом руки приказал опустить тент на кузове MUNGO, чтобы мотоциклисты смогли убедиться в наличии пленных. Они обменялись меж собой несколькими фразами и, доложив начальству по радиосвязи,

что всё в порядке, уехали. Через короткий промежуток времени, на пустырь из-за глинобитной постройки, куда были уведены Бруно и Отто, вышел Халфутдин. Опять же, по условиям Шамсутдина, он забрал с собой Абдула Рахмана и пятерых пленных талибов. Они исчезли за постройкой, откуда тотчас показался Альфред Юнг. Он был одет в традиционную афганскую одежду — коричневый перухан и бежевый паколь. Увидев отца, Альфред скорым шагом направился к нему. За ним степенно шли Бруно и Отто. Нежданно, в небе появились ударные вертолёты ЕС-665 Tiger HAP и начали поражать постройки, за которыми едва скрылись талибы. Из построек открылась ответная стрельба по вертолётам и, одновременно, по Бруно и Отто. Они пригнулись и перешли на бег, стремясь скорее покинуть зону обстрела. Но длинная пулемётная очередь талибов сразила Отто в спину. Его ноги подкосились, и он упал. Когда подбежал Бруно, Отто был ещё жив. Он собрал последние силы и с трудом произнёс:

— Нельзя было верить Юнгу!

Бруно позвал медика спецназа, но было уже поздно. Он склонился у тела Отто и, скинув к небу голову, иступлённо прокричал:

— Почему?!

Вертолёты улетели на базу. Бруно всё ещё оставался сидеть подле погибшего Отто, пока спецназовцы его группы не погрузили тело в кузов MUNGO и не увели его самого. Когда Бруно вернулся в расположение TF-47, он напрямик направился в кабинет оберста Юнга. Не постучав в дверь, он бесцеремонно проследовал в глубь кабинета и, склонившись вплотную к сидевшему за столом оберсту, повышенным тоном спросил:

— Почему вы навели авиацию?!

— Успокойтесь, обер-лейтенант! Это было не моё решение! — виновато оправдывался Юнг. — Мы на войне, и надо мной есть командиры!

— Отто Гринберг спас вашему сыну жизнь! Почему он поплатился за это своей?! — спросил с напором Бруно. — Цинизм и бесчеловечность ISAF не имеет границ! Вы, господин оберст, персональный виновник многочисленных жертв мирного населения в Умар-хейле, а командование американских сил и армии продажного афганского правительства в гибели врачей и больных госпиталя «Врачи без границ» и детей в кишлаке Дафтани!

С этими словами Бруно громко хлопнул дверью и покинул кабинет оберста Юнга. «Очевидно, это конец моей службы! — полагал он, не жалея о сделанном.

Однако ряд имевших место обстоятельств — ведущая роль Бруно в освобождении Альфреда Юнга, трагическая гибель Ситы, а главное, начало расследования парламентской комиссией Бундестага и министра обороны ФРГ массовой гибели населения в Умар-хейле, воздержали оберста Георга Юнга от рокировки его в Германию.

ПРИЕЗД БРУНО В МОСКВУ

Шло время. Бруно прослужил в Афганистане положенный срок и по возвращению в Германию уволился из армии. Проведя дома во Фрайбурге неделю, Бруно решил полететь на свою родину в казахстанский Джамбул, а оттуда в Москву. Накануне, он позвонил по номерам из отцовской записной книжки — Сидору, Костру и Русту, но ответили лишь по номеру Руста. Жившие в его отцовском доме в Татарстане родственники сообщили, что на родине он бывает регулярными наездами, но живёт постоянно в столице и дали его номер телефона.

МОСКВА 2011 ГОД

Октябрь, пасмурно. В квартире на Кутузовском проспекте раздался телефонный звонок. К аппарату подошла женщина.

— Слушаю вас!

— Здравствуйте! — послышался мужской голос. — Меня зовут Бруно Тевс. Мне нужен Рустам Тукаев.

— Здравствуйте, — поздоровалась женщина, — Рустам живёт в другом месте, это его мама, Райса Ахмадулловна. Что ему передать?

— Передайте, пожалуйста, что звонил сын его друга, погибшего в Афганистане Константина Тевса. Я сейчас в Москве и был бы рад его увидеть.

Райса Ахмадулловна оживилась:

— Конечно, передам! Но я готова дать вам его номер. Если он вдруг не ответит, такое бывает, весь в делах, тогда приезжайте к нам на Кутузовский проспект. А он заберёт вас отсюда.

Райса Ахмадулловна продиктовала номер телефона Руста и адрес. Руст вправду не ответил, и Бруно из аэропорта направился на Кутузовский проспект. Он поднялся на нужный этаж и позвонил в квартиру с добротной металлической дверью. Открыла Райса Ахмадулловна.

— Здравствуйте Бруно! — сердечно поприветствовала она. — Проходите.

Бруно прошёл в светлый зал и, увидев на комод в рамке знакомую фотографию ненадолго задержал свой взгляд.

— Проходите на кухню, — пригласила Райса Ахмадулловна. Она заварила чай и подала вместе с золотистым чак-чаком. — Вы впервые в Москве?

— Можно сказать и так. Когда мне было четыре года, мы с мамой улетали в Германию и делали пересадку в Москве.

— О! — изумилась Райса Ахмадулловна. — А как же вы сохранили хорошее знание языка?

— Стараниями мамы, читавшей мне в детстве русские сказки, — улыбнулся Бруно. — Я звонил из Джамбула по всем телефонным номерам из отцовской записной книжки, — сменил он тему, — но ни один не ответил, за исключением номера из Тартарана. По нему я попал к вашему родственнику.

— Вы, вероятно, многого не знаете? — допустила Райса Ахмадулловна. — Ванечка Костров погиб в октябре 1993 года у Дома Советов, Серёжа Сидоренко отбывает срок в колонии и, надеюсь, на днях уже освободится.

— Знаете, — разоткровенничался Бруно, — я ведь тоже служил в Афганистане в составе сил западной коалиции. Сейчас я уволился с военной службы. Слетал на Родину в Джамбул. Увидел дома, где родились и жили мои родители, сходил на могилу отца, высыпал на неё горсть земли, собранной с места боя, в котором погибли он, Монгол и Стрела.

Глаза Райсы Ахмадулловны наполнились слезами:

— Вы служили в Афганистане?! — удивилась она. — Как же мама вас туда отпустила?

Беседу прервал телефонный звонок. Это был Руст.

— Рустик, ты где?! — спросила Райса Ахмадулловна. — Ты знаешь, кто к нам приехал?! Бруно — сын Кости Тевса!

В трубке послышалось изумление. Руст попросил маму передать трубку гостю.

— Guten Abend! — поздоровался Руст по-немецки.

— Guten Abend! — отзеркалил Бруно.

— Какими судьбами?! — спросил Руст.

— Захотелось увидеть друзей отца, — признался Бруно.

— Это похвально! — одобрил Руст — Сейчас за тобой приедет мой водитель, и мы поужинаем в городе. Передай трубку маме.

— Рустик! Как же так, — огорчилась Райса Ахмадулловна, — я уже тесто раскатала для кыстыбыя. Почему бы дома не поужинать?

— Мама, прости, пожалуйста! Мы посидим в «Чёрной кошке». К нам ещё подъедут люди. Бруно остановится у меня.

Этими словами Руст закончил разговор.

Спустя некоторое время водитель Руста подвёз Бруно к трактиру «Чёрная кошка», находившемуся рядом со станцией метро Таганская. У дверей заведения, стилизованного под 1940-е годы, его вместе с длиннородым, типажным гардеробщиком встречал Руст. Он крепко обнял Бруно и пригласил войти.

— Визуально трактир поделён на две зоны, — начал свою экскурсию воодушевлённый Руст, — по левому флангу «бандитская малина», по правому «Петровка, 38». «Малина» оформлена по подобию городского жилища Москвы 1930—1940 годов, где собирались разные уголовные элементы. «Петровка 38» как бы состоит из кабинетов Московского уголовного розыска МУРа.

Бруно увидел на стенах «малины» винтажные гобелены, настенные часы с кукушкой, застеклённые стелажы с фомками, свёрлами, заточками, отмычками, а также множество карманных часов-луковиц с рабочими механизмами, живописно оформленные эскизы воровских наколок и словарь уголовных терминов «по фене». Сводчатый потолок вразброс был исписан крылатыми фразами из романа братьев Вайнеров «Эра милосердия», по мотивам которого Станислав Говорухин снял знаменитый художественный фильм «Место встречи изменить нельзя».

В расположенной напротив зоне «Петровка, 38» на стенах были развешаны групповые фото сотрудников МУРа 1920—1940 годов, служебные инструкции, агитационные плакаты, карты города Москвы, кожаные кобуры пистолетов, портупей, закреплённые наискось немецкий аккордеон и печатные машинки. Её пространство освещали свисавшие низко оригинальные люстры в стиле модерн и равноудалённые, с зелёными плафонами, кабинетные настольные лампы.

— Знаковое место «Петровки, 38» — это кабинет оперативников МУРа Глеба Жеглова и Владимира Шарапова, — продолжал увлечённо рассказывать Руст, — они главные герои фильма «Место встречи изменить нельзя».

По длинноте атмосфере добавляли костюмированные официанты и трио задорных музыкантов с балалайкой-контрабасом, скрипкой и гитарой, исполнявших давние популярные песни и танго: «У Чёрного моря», «Катюша», «Чёрные глаза», «Осень, прозрачное утро», «Мой костёр», «Голубые глаза», «Ночь светла», «Светит месяц», «Окрасился месяц багрянцем» и другие.

Руст подвёл Бруно к накрытому столу, на который уже были поданы холодные закуски: говяжий студень, малосольная сёмга, осетрина горячего копчения, жирная селедка с синим лучком и отварной картошкой, салат «Столичный», бородинский хлеб, графины морса, кваса и другие напитки, но сесть не предложил. Чувствовалось, что он ждал ещё кого-то.

— Ну, дай мне на тебя поглядеть, — восторгался Руст. — Вылитый отец! Как две капли воды! Мама в порядке?

— Всё хорошо! — ответил Бруно. — После гибели отца она не захотела устраивать жизнь с другим человеком.

Руст понимающе кивнул головой.

— Знаешь, ты очень вовремя, — сменил он тему разговора, — друг твоего отца и мой, конечно же, Сидор на днях должен пополнить наши стройные ряды. Я планирую отправиться ему на встречу. Не желаешь составить мне компанию?

— А куда нужно ехать? — спросил Бруно.

— Недалеко! — ответил Руст. — В Архангельскую область.

— У меня через неделю самолёт, — сообщил Бруно, — успеем обернуться?

— Полагаю, да! — улыбнулся Руст.

Через минуту в трактир вошли двое поджарых мужчин с военной выправкой. Увидев Руста с незнакомым молодым человеком, направились к ним.

— Знакомьтесь, это Бруно Тевс! — громогласно, чтобы было услышано сквозь звучавшую «Смуглянку» прогорланил Руст. — А это наш командир роты в Афганистане Середа Григорий Семёнович и переводчик полка с языка дари Абдулло Кодиров.

Руст пригласил всех за стол. Бруно вдруг показалось, что он где-то уже встречал представленного только что смуглолицего азиата Абдулло Кодирова и попытался вспомнить. В это время между столами трактира юрко проплывала девушка-цветочница с охапкой букетов белых и алых роз. Руст зазвал её и, купив один из них, попросил поместить в вазу с водой.

— А ведь ваш отец спас мне жизнь! — сердечно поведал Абдулло Кодиров задумавшемуся Бруно. — В июне 1985 года в Панджшерском ущелье мы попали в засаду. Я был тогда ранен и остался лежать в зоне обстрела, а Костя Тевс вернулся за мной и под пулями протащил приличное расстояние до укрытия. Там он оказал мне первую медицинскую помощь и долго оборонял.

Голос Абдулло и характерный говор также показались Бруно знакомыми. «Где же я его слышал?» — старательно вспоминал он.

— Я знаю об этом случае, — отвлёкся от мыслей Бруно. — Когда отец погиб, его друзья Сидор, Руст и Костёр написали нам об этом. Мама до сих пор хранит все письма.

— Тевс был хорошим солдатом! — горделиво произнёс Григорий Середа. — Все мы оставили в Афганистане частицу себя, свои души. Война единственное, что у нас есть — плохое и хорошее.

— Это верно! — согласился Руст. — Григорий Семёнович и Абдулло продолжают служить нашей Родине. А полковник Кодиров, — выделил он Абдулло, — бессменно на афганском направлении. Они как были в разведке, так в ней и остались!

Эти слова осенили Бруно. Абдулло напомнил ему того смуглого афганца в белой чалме и бежевом перухане, подходившего к нему в чайхане одноглазого Якуб-хана, и посоветовавшего уклониться от личного участия в обмене пленными.

— Ну, из разведки скажем не только мы, — возвратил Бруно из потока мыслей сосредоточивший на него взгляд Абдулло. — Насколько мне известно, семья Тевсов — это уже династия!

— Я вас вспомнил! — возликовал Бруно. — В чайхане Якуб-хана, это были вы!

— Возможно! — допустил Абдулло с улыбкой. — Так, удаётся TF-47 решать текущие задачи в Афганистане?!

— В целом, да! — признался Бруно, сообщив. — Но я уже не служу в этом подразделении.

В трактире вновь заиграли музыканты, начав исполнять танго «Голубые глаза».

Когда танго близилось к завершению, в зал вошла молодая, высокая красивая девушка и стала взглядом кого-то искать. Она обратила на себя взоры всех присутствовавших в зале мужчин. Её стройная фигура, распущенные длинные русые волосы и большие голубые глаза производили впечатление. Увидев её, Руст встал из-за стола,

достал из вазы цветы и направился навстречу. Он подвёл девушку к столу и, усадив рядом с Бруно, представил гостям:

— Знакомьтесь! Это Маша Кострова — дочь дорогого нам Костра. Она студентка журфака МГУ.

Маша зарделась патетичным представлением Руста.

— А этот крепкий мужчина, — продолжал Руст, — сын дорогого нам Кости Тевса — Бруно.

Бруно тут же встал и учтиво кивнул головой.

— Чувствуется порода, галантен, как отец, — отметил озарившийся улыбкой Середа.

— Бруно живёт в Германии. Два года прослужил в Афганистане. В той же зоне, что и мы когда-то, — поведал Руст с улыбкой и, поглядев на Абдулло, спросил, — я правильно понял?!

Абдулло кивнул головой.

— Ничего не скажешь, хорошо работает российская военная разведка! — отметил Бруно. — Действительно, зоной ответственности Бундесвер являются Кундуз, Баглан, Тахар, Бадахшан, Саманган и Балх. А подразделение, в котором я непосредственно служил, находится в Кундузе.

— А что вас побудило к службе в армии и уж тем более к отправке в Афганистан? — серьёзно поинтересовался Середа. — Ведь для вашей семьи служба отца за речкой обернулась трагедией.

— Во-первых, мой прадед по отцу, в честь которого отец дал мне имя, был полковником Советской армии, — поведал о героическом предке Бруно. — Он воевал в Испании, на Халхин-Голе, на фронтах Великой Отечественной войны и увенчал свой боевой путь взятием Вены. Он не единожды был ранен, горел в танке. Его награды хранятся у нас дома во Фрайбурге как реликвии. Когда отцу исполнилось 18 лет, он уговорил деда Бруно, снискавшего своими ратными делами почёт у городского военного комиссара, чтобы тот попросил включить его в группу, направляющуюся после учебки в Афганистан. Выселенных в Казахстан и Сибирь немцев, как известно, в советские военные контингенты за границей не направляли — не доверяли. Прадед Бруно, к счастью не узнал о гибели в Афганистане своего внука. Он скончался за полгода до его гибели. Полученные в боях раны дали о себе знать. Во-вторых, отец в своих письмах из Афганистана с гордостью писал, что служит в войсковой разведке и выполняет ответственные правительственные задачи. Когда я стал взрослым, не желая беречь маму тяжёлыми воспоминаниями, тайком доставал и перечитывал отцовские письма. В определённый момент я твёрдо решил, что хочу стать военным разведчиком, как мой отец. Когда достиг призывного возраста, то призвался в воздушно-десантную бригаду в Цвайбрюккене. На завершающем этапе службы поступил на офицерские курсы, окончив их, прошёл отбор в специальное разведывательное подразделение KSK. Прослужив какое-то время в Германии, я обратился к командованию с просьбой направить меня служить в Афганистан, в TF-47 — подразделение, о котором упомянул Абдулло. Вот собственно и всё. Но всё это уже в прошлом, — резюмировал Бруно с лёгкой улыбкой и грустью.

— Какие у Вас дальнейшие планы? — заинтересовался Середа.

— Пока ещё не решил, — ответил Бруно.

— А то может... к нам?! — пошутил Абдулло.

— Оставь парня в покое! — пресёк иронию Середа и, встав с наполненным бокалом, провозгласил тост: — За нашу Советскую Родину! СССР это или Россия — для нас равнозначно! За тех, кто служил и служит этому государству!

Когда очередь дошла до третьего тоста, все молча встали, и вновь выступил Середа:

— Дорогие боевые друзья и дети наших погибших товарищей! Чувство вины за то, что мы живы, а ваших отцов с нами нет, всегда будет нас угнетать. Мы свято верили в то, что делали и что жертвы были не напрасны. Такие храбрые воины, как Тевс, Стрельцов, Бадмаев и Костров и есть ангелы-хранители России!

Осушив бокалы, гости сели.

— У меня на удачу есть два билета в «Большой» на «Жизель», — перевёл тему разговора Руст, — Маша, не откажешь Бруно в намерении сводить тебя в театр? Время как раз выходить, мой водитель доставит вас на место.

Маша смутилась. Бруно решительно встал и взглядом на девушку удостоверил это предложение. Когда молодые уехали, Середа, Абдулло и Руст, посидев немного, разошлись. Утром, как и договорились, Руст и Бруно сели на Ярославском вокзале в СВ поезда «Москва-Архангельск» и двинулись на встречу освобождавшемуся из заключения Сидору.

ПОЕЗД МОСКВА-АРХАНГЕЛЬСК

Столица осталась уже позади, а скорый поезд, набрав ход, двигался строго на север. Проводница подала чай, и под мерный стук колёс Бруно спросил Руста:

— А что стряслось с Сидором, как он попал за решётку?

— Издержки российского бизнеса 1990-х годов! — толковал Руст, начав длинное повествование. — История Сидора началась с того, что по возвращению в Союз мы строём — он, я и Костёр поехали в Ленинград, чтобы навестить маму погибшего друга Стрелы — Людмилу Васильевну. Это обещание в случае, если вернёмся домой живыми, мы пятеро дали себе ещё в Афганистане. Вослед Стреле, ночью тех суток, погибли твой отец и Монгол. Так нас осталось трое. Домашний адрес Стрелы сохранился в моей памяти лишь отрывочно. Оттого в поездке мы столкнулись с перипетиями. Преодолев их, мы отыскали квартиру Людмилы Васильевны, съездили днём, как и планировали, на могилу Стрелы, а вечером, помянув, вели душевную беседу. Неожиданно, из квартиры этажом выше послышались крики. Мы поднялись наверх и, проникнув вовнутрь, увидели, как три лиходяга пытали горячим утюгом мужчину средних лет и молодую даму. Избавление от притеснения послужило нашему с ними знакомству. Мужчине оказался директором двух внешпосылторговских магазинов «Берёзка» Яковом Ильичом Иткиным. Впоследствии, Сидор завязал с Яковом Ильичём деловые отношения и неделями стал пропадать в Ленинграде. По предложенной Иткиным схеме и посредством его обширных связей, они привлекали в оборот крупные заёмные средства.

Обменивая их у теневых держателей внешпосылторговских чеков, они скупали партии импортной бытовой, видео-, аудио- техники и фирменной одежды и сбывали перекупщикам из больших городов, а также в Сибирь и на Кавказ. Существенным фактором в схеме Иткина-Сидора была образцовая отчётность. У покупателей товаров в магазинах «Берёзки» обязательно должны были быть документы, подтверждавшие законность обладания внешпосылторговскими чеками. Удостоверения «Ветерана боевых действий» и «Инвалида войны» были для этого идеальным вариантом. В 1980-е годы такие удостоверения имелись лишь у военных, проходивших службу за пределами СССР — в Афганистане, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, а, значит, ежемесячно получавших чеки. Ветераны-афганцы имели среди них

подавляющее большинство. Причём, удостоверение инвалида имело преимущество над ветеранским внеочередным обслуживанием. Обеспечением необходимым количеством персональных данных из реально существовавших льготных удостоверений занимался непосредственно Сидор. Являясь сам инвалидом войны II-й группы, он налаживал контакт с теми, кто стабильно обеспечивал его такими данными из архивов районных военкоматов Москвы и Ленинграда. Получив их, он предлагал каждому ветерану или инвалиду за пользование его льготным удостоверением половину от их с Иткиным заработка. Это было непреложным условием Сидора Иткину. На мой взгляд, честно и достойно. Вознаграждения ветеранам составляли приличные для того времени суммы.

В начале 1988 года Правительство СССР ликвидировало систему торговли «Берёзка» и бизнес партнёров себя исчерпал. Яков Ильич продал имевшуюся у него в Ленинграде жилую недвижимость и перебрался в Москву. В 1991 году великий и могучий СССР распался. Сидор к тому времени был уже выпускником МГУ и целиком интегрировался в деловую среду. Во время политического кризиса в октябре 1993 года, каждый из нас согласно своим политическим убеждениям и моральным обязательствам выбрал свою сторону конфликта. Сидор — Верховный Совет, я — президента Ельцина. Оба мы были подранены. Наш товарищ Костёр в те дни выполнял со своим спецподразделением задачи у Дома Советов и вытащил из пылавшего здания раненого Сидора, чем спас ему жизнь. Спустя два часа Костёр погиб. У него осталась годовалая дочка Маша. Весной 1994 года после многомесячного излечения Сидор возобновил с Яковым Иткиным совместную деятельность, начав строить алмазно-бриллиантовый бизнес.

— Благодаря чутью и коммерческой жилке, Иткин и Сидора открыли первые в стране российско-европейские и российско-американские совместные предприятия и начали импортировать драгоценные камни: бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры. Сидор уже в армии был к ним не равнодушен. А тут глобальный масштаб, гигантские суммы. Надо отдать ему должное, он в сжатые сроки получил профессиональные знания в геммологии, стал квалифицированным специалистом в огранке и подолгу отсутствовал в России, находясь в командировках в Анголе, Намибии, ЮАР, Мадагаскаре, Нью-Йорке, Лондоне, Антверпене, Амстердаме и в других местах. Больше деньги Сидора не испортили, однако со временем его стали окружать особы с весьма специфичным миропониманием. Крайним для него разом, стал случай, когда он переправил солидную партию алмазов с рудника близ Куллинан в ЮАР своим партнёрам в Антверпен, которые занимались огранкой. Взамен компания Сидора-Иткина должна была получить условленное количество огранённых бриллиантов на сумму 100 миллионов долларов.

Известно точно, что в Антверпене сырьё получили. Однако хозяин ограночной компании Шмуэль Брандвайн, переправлявший бриллианты компании Иткина-Сидора в Россию, накануне был застрелен при возвращении с работы на глазах изумлённой публики на площади четырёх бриллиантовых бирж в самом центре Антверпена. В короткий отрезок времени, произошли ещё три злосключения: в международном аэропорту Шереметьево-2 четыре человека в штатском, выдав себя за сотрудников силовых структур, вывели из зала вылета и увезли в неизвестном направлении другого бизнес-партнёра Иткина-Сидора — Наума Нуделя, бывшего советского эмигранта, подданного США. Он привлёк в торговый оборот совместного с Иткиным и Сидором российско-американского предприятия многомиллионные долларовые средства крупных иностранных инвесторов. Спустя три месяца поисков труп Нуделя извлекли из реки Яузы. В дни исчезновения Нуделя, в Москве в квартире в Последнем переулке

было совершено двойное убийство — Якова Ильича и его супруги Киры Вайсман. Сидор за несколько часов до убийства заходил к ним домой. Они обсуждали гибель Брандвайна в Антверпене, похищение Нуделя из Шереметьево-2, судьбу пропавших камней и, пытаясь связать эти события в логическую цепочку, искали всему объяснение. Но для Сидора это были ещё не все злоключения.

Поздно вечером того дня, не ведавший ещё о гибели Иткиных, Сидор возвращался домой из театра с супругой Ниной Полюшкевич, находившейся в положении. Она служила в кабульском госпитале медсестрой во время нашего с Сидором излечения. Когда супруги поднялись на свою лестничную площадку, Сидор начал открывать в квартире дверь. В это время свыше послышалась дробь шагов спускавшегося по лестнице и сближавшегося с супружеской парой, человека. Нина, заслонявшая Сидора, повернулась на шум и увидела в вытянутой руке мужчины пистолет с глушителем. Их взгляды сошлись и Нина хорошо разглядела его лицо. Преступник в мгновение для удобного выстрела в «объект» решил прежде устранить свидетеля и первый выстрел произвёл в Нину. Сидор резко повернулся и, подхватив падавшую навзничь Нину, медленно опустил её на пол. Теперь, условия для ликвидации Сидора были исчерпывающие. Преступник хладнокровно навёл на его лоб ствол пистолета и нажал на спусковой крючок. Но пистолет дал осечку. Сидор, не мешкая, рванулся к преступнику, вцепился ему в шею и разжал пальцы, когда тот уже замер. Потом он сразу вернулся к Нине, но она уже не дышала. В одночасье погибли она и их неродившийся ребёнок. Сидора задержали на месяц. За это время оперативники активно искали улики, чтобы доказать его причастность к убийствам в Москве Якова Иткина и Киры Вайсман, в Антверпене Шмуэля Брандвайна и похищении из аэропорта Шереметьево-2 Наума Нуделя, но не нашли. После изъятия в ходе обыска в офисе компании ценных минералов на несколько миллионов долларов, незадекларированных при прохождении российской таможни, Сидора осудили по статье за незаконный оборот драгоценных камней в особо крупном размере, назначив ему наказание на предельно длительный срок.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СИДОРА И СЛУЧАЙ НА ПЕРЕЕЗДЕ

Поезд тем временем продолжал своё движение, приближаясь к пункту назначения. За окнами уже показались будки загородных дач и частные домовые строения. Внезапно в дверь СВ, в котором ехали Руст и Бруно, постучались.

— Чай или кофе заказывать будете? — спросила молодая проводница. — А то уже через полчаса наш поезд прибывает на вокзал Архангельска.

Руст поглядел на Бруно. Оба желания к чаепитию не изъявили и поблагодарили проводницу.

— Как ваш с Машей поход в Большой театр? — неожиданно спросил Руст у Бруно. — Я уж стал беспокоиться твоему длительному исчезновению. Звонить тебе не стал. Ты уже взрослый человек. Подумал, в Москве тоже сам во всём разберёшься.

— Замечательно! — ответил Бруно. — После спектакля мы всю ночь гуляли по Москве. Сбылась, наконец, моя детская мечта — я побывал на Красной площади. Зашли в ГУМе в ресторан. За трапезой искренне рассказали друг другу о себе.

После этих слов Бруно сделал паузу и продолжил:

— Как только я увидел в «Чёрной кошке» Машу, — потерял голову. Влюбился с первого взгляда. Вы, верно, сочтёте мой поступок недопустимым, но под утро я сделал Маше предложение и мы поехали к её маме Наталье Константиновне попросить её благословения.

Руст изумился:

— Это же счастье, парень! — воскликнул он. — Как я рад, что это случилось! Вот встретим Сидора и я, как близкий друг твоего отца, берусь за организацию вашей свадьбы...

Руст и Бруно вышли из поезда и, сев в пригнанный водителем Муниром из Москвы чёрный крупногабаритный джип, направились в Котглас. Там находилась колония строго режима, в которой отбывал срок заключения Сидор. Достигнув места в назначенный час, они подъехали на площадку перед огороженной колючей проволокой территорией. На КПП стояли вооружённые автоматами солдаты с собаками. Из-за ворот в спортивном костюме и кожаной куртке вышел налысо стриженный мужчина с баулом. Руст и Бруно направились ему на встречу.

— От звонка до звонка! — бравадно возгласил подошедший к нему улыбающийся Руст.

— На войне побывал, видно, и тюрьму пройти было на роду написано! — философски заметил Сидор, слегка смутившись присутствию незнакомого молодого человека.

— Фаталист! — усмехнулся Руст и, показывая на Бруно, спросил:

— Никого не напоминает?!

Сидор взгляделся.

— Я сын Константина Тевса! — доложил Бруно.

— А ведь похож на Костяна, а Руст?! — возрадовался Сидор.

— Но это ещё не все хорошие новости! — с отрадой заинтриговал Руст. — В ближайшее время он женится на Маше Костровой!

— Надо же! — изумился Сидор. — Это подлинно благая весть! Жаль только, отцы ваши не дожили до этого дня, — произнёс Сидор.

Повисло короткое молчание.

— Ну, что садимся?! — предложил Руст и, сев в машину, друзья поехали в Архангельск. В пути Сидор рассказывал о том, как он сидел, и чем будет заниматься на воле. Их джип на высокой скорости стал обгонять раскатисто сигналивший свадебный кортеж. Из открытых окон четырёх белых представительских иномарок махала руками веселящаяся молодёжь. Друзья дружно помахали в ответ. Преодолев недолгий путь, их джип подъехал к железнодорожному переезду на окраине небольшого населённого пункта. Шлагбаум на нём к тому времени был опущен. Первым, вплотную к нему, выстроился свадебный кортеж. На крыше стоявшего последним лимузина были закреплены два разные по размеру декоративные золотистые кольца. Внутри на заднем кожаном сиденье расположились счастливые молодожёны: молодой парень в чёрном смокинге с бабочкой и миловидная девушка в пышном свадебном платье с фатой. За ними встал КамАЗ, наполненный мешками пескоструйного бетона. Вослед ему джип Руста: с водителем, им самим, Сидором и Бруно. Пользуясь вынужденной остановкой, из автомобилей кортежа гулко высыпала празднично одетые молодые люди. Парни открывали бутылки шампанского, оглушительно выстреливая пробками вверх и обрызгивая пеной повизгивающих девушек с бокалами. За этим занятием они подтанцовывали под звучащую из машины хорошо запомнившуюся Русту и Сидору с Гератской операции в Афганистане песню «Мы желаем счастья вам».

Друзья переглянулись и молча улыбнулись. У Бруно это вызвало ассоциации со своей предстоящей свадьбой. Но вспомнилась ему и погибшая в Кундузе невеста Сита Ахмадзай. Бруно опустил голову.

— Ничего! — оживился, глядя на веселье Руст. — Скоро и нашей улице будет праздник. Правда, Бруно?!

Бруно, скрывая печаль, улыбнулся. Прошло какое-то время — поезда всё не было. Водители свадебного кортежа, уставшие ждать, призвали всех пассажиров садиться и, один за другим начали ход, объезжая шлагбаум и переезжая через железнодорожный путь. Увидев это, из будки выскочила дежурная в оранжевой униформе. Она кричала и махала жезлом. Как раз в это время вдали показался мчавшийся на большой скорости пассажирский поезд. В это время вторая машина кортежа в хвосте у первой едва преодолела переезд. Все четверо в джипе Руста, следившие за происходившим, одновременно выскочили из машины. Предвидя неминуемую драму, водитель произнёс:

— Сумасшедшие! Убьются же!

Стремительно приближавшийся к переезду поезд начал издавать пронзительные гудки. В это время вслед за второй машиной кортежа двигалась третья. За ней, объезжая шлагбаум ехал лимузин с молодожёнами. Но едва он заехал на деревянный настил для рельсового пути, как заглох и стал недвижим. Послышался скрежет металла тормозившего поезда. Увидев это, Сидор рванулся к впереди стоявшему КамАЗу, резко открыл дверь кабины, сбросил наземь сидевшего там водителя и, заняв его место, дал по газам, тараня с железнодорожного пути машину с молодожёнами. Скользивший по тормозному пути поезд ударил КамАЗ в бок кузова и перевернул его. Когда состав остановился, по другую сторону железнодорожного полотна Руст, Бруно и Мунир увидели на обочине лимузин с кольцами со сплюсненным багажником и сбросивший свой груз КамАЗ со смятой кабиной. Бруно и Мунир извлекли оттуда посечённого битым стеклом Сидора и повезли в травмпункт районной больницы. Туда же вскоре прибыли и сотрудники полиции для выяснения обстоятельств ЧП. Врач к тому времени уже осмотрел раны Сидора и, не найдя серьёзных травм, после перевязки отпустил. Соблюдя все формальности и подписав протокол допроса, к ожидавшим в приёмном покое друзьям прихрамывавший Сидор:

— Придётся тебе одолжить мне денег из своих авуаров, — обратился он к Русту, — чтобы я возместил ущерб камазисту.

— Решим как-то! — улыбнулся Руст.

Друзья сели в чёрный внедорожник и продолжили путь в Архангельск, а оттуда в поезде в Москву...

